

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АЛЕКС РУДИН

18+

The illustration features a dark silhouette of a person with long, flowing hair, seen from behind. They are holding a long, curved sword in their right hand. The figure stands in a dark, grassy field. In the background, a large, bright, circular light source, resembling a full moon or a large fire, glows with a blue-white hue. Wispy, smoke-like or flame-like patterns emanate from the circle. The overall color palette is dominated by dark blues, blacks, and the bright white/blue of the central light source.

НЕМОЙ

ОХОТА НА КОЩЕЯ

Алекс Рудин

Немой. Книга 3. Охота на Кощея

«Автор»

2023

Рудин А.

Немой. Книга 3. Охота на Кощея / А. Рудин — «Автор», 2023

Хазары разбиты. Конфликт с церковью улажен. Но где-то затаился кощей и вынашивает планы мести. В княжестве появляются странные маги-перекидыши. А тут ещё князь Всеволод надумал жениться...Третья часть приключений Немого в мире Сказочной Руси.

© Рудин А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1: Людоед	6
Глава 2: Избушка на ножках	10
Глава 3: Ужин при свечах	15
Глава 4: Яга	19
Глава 5: Лазутчики	24
Глава 6: Серые убийцы	28
Глава 7: В Старгород	33
Глава 8: Охота на шамана	37
Глава 9: Забывчивый кот	41
Глава 10: Степная река	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Алекс Рудин

Немой. Книга 3. Охота на Кощея

Глава 1: Людоед

Женщина лежала на спине, нелепо подвернув обгрызенную правую ногу. Обе руки были отъедены полностью. Обрывки тряпья, в которые превратился синий сарафан, пропитались засохшей кровью.

Лица женщины я не видел. Его закрывал лоскут кожи с длинными слипшимися волосами, сорванный с головы. Волосы когда-то были светло-русыми, но теперь выглядели бурым неопрятным комком. Над лоскутом голо белел череп. Над черепом, жужжа, вились крупные зелёные мухи.

– Любава это, – хрипло подтвердил боровский староста.

Высокого жилистого мужика с длинными нечёсанными волосами мы прихватили с собой из деревни. Он не был охотником, но здешние леса знал хорошо – промышлял диким мёдом, насколько позволяли лешие.

– Любава, – снова сказал староста и сглотнул. Его длинное лицо побелело, губы вытянулись в тонкую бледную линию.

– Три дня назад пошла за клюквой и пропала. Всей деревней искали. А она – вот где. Староста отошёл в сторону и отвернулся. Его крепкие плечи сутулились.

Чупав наклонился над трупом.

– Медведь задрал, – уверенно сказал он. – Сшиб с ног, кожу на глаза натянул, а уж потом заел.

– А зачем медведь ей голову ободрал? – спросил я.

Чупав ухмыльнулся.

– Не выносит человеческого взгляда. Волку – тому по хер. Хоть обсмотришься. Но волк валит и горло рвёт. А медведь непременно кожу на глаза натянет первым делом.

Я посмотрел на нетронутую шею женщины. Потом повернулся к старосте.

– Сколько людей у вас в деревне пропало?

Староста пожал плечами и повернулся ко мне, стараясь не смотреть на труп.

– С зимы пятеро уже. Серёжка Чёрный по весне на рыбалку пошёл – не вернулся. Потом пастух исчез, и двух коров волки загрызли. Летом две женщины за грибами ушли – и тоже с концами.

– Искали их?

Староста кивнул.

– Как не искать? Когда Серёжка пропал – всю реку с баграми обшарили. И пастуха искали тоже. Думали – может, убежал. Волков испугался.

– А почему раньше никому не сказали?

Мужик отвёл глаза в сторону.

– Так ведь оно как... Если на реке человек пропал – значит, русалки утопили, или водяники. Если в лесу – леший закружил, или болотник в трясину завёл. Так-то у нас редкий год без этого обходится.

Староста совсем отвернулся и еле слышно добавил:

– Нечисть, одно слово.

Чупав сплюнул.

– Слышал, Немой? Опять нечисть виновата!

Джанибек неопределённо хмыкнул. Местный леший, которого позвали показать места, скривил жёсткий рот. Он и привёл нас к трупу Любавы по её следу. И вёл так уверенно, словно знал, где можно её найти.

Я покосился на Всеволода.

– Ну, что, княже! Поохотимся на медведя?

О пропаже людей в Старгород сообщил местный священник. Три дня назад он вместе с обозом добрался до города и не поленился достучаться до самого Божена. Жители деревни грешили на нечисть.

Ну, понятно, хер ли! Кто ещё будет добрым людям козни строить?!

Ну, и кому разбираться с этим делом, как не князю нечисти?

– Не ленись, Немой, съезди! – сказал мне Божен, когда вечером зашёл с новостями к Сытину. – Покажи людям, что ты о них заботишься. Это важно.

Прав был святоша. Тем более, заняться в Старгороде было особо нечем. Дела государственные шли сами собой. Соловей с разрешения князя Всеволода крепко взял бояр в ежовые рукавицы. Из Лопухинки исправно прибывали телеги, гружённые тяжёлыми ящиками с золотом.

Боярин Иван Горыня, приставленный смотреть за золотым рудником, в Старгороде не появлялся. То ли не успел ещё наворовать, то ли нашёл другого покупателя, вопреки моему приказу.

Ничего! Съезжу, проверю!

На высоком берегу Волхова неторопливо строился новый терем. Каменщики уже сложили крепкий фундамент из гранитных валунов на известковом растворе. Теперь пришёл черёд плотников. Звонко стуча топорами, они клали срубы первого этажа.

Мы с Глашкой по-прежнему жили в доме у Сытина. Князь Всеволод предлагал переехать к нему в терем. Но на хер оно надо? Там вечно куча народу – не протолкнёшься. То бояре, то послы, то дружинники.

Я собрался, не раздумывая. С собой позвал Джанибека и Чупава. Решил, что втроём мы с любой хернёй справимся. Отъезд назначили на утро, а вечером все вместе ужинали у Сытина. И тут на огонёк заглянул князь Всеволод.

– Я с вами поеду, – решил князь после третьего стакана медовухи.

– На хера? – удивился я.

– Да мне тоже остописдило в городе сидеть, – откровенно признался Всеволод. – Мысли всякие в голову лезут. Съезжу, проветрюсь.

Мысли его я знал. На каждой пьянке князь заводил старую песню о дочке хазарского хана. Идея жениться на ней крепко засела в княжеской голове.

Ну, и что – я его отговаривать буду, что ли? Хочет жениться – пусть женится. Хочет ехать – пусть едет.

– Разумно, – кивнул Мыш.

Я в изумлении уставился на него.

Ипать! Он что, мысли читать научился?

Мыш с укоризной покачал головой.

– Ты, Немой, когда выпьешь – часто думаешь вслух. Не замечал?

Мыш задрал вверх розовый блестящий нос.

– Пожалуй, я с вами поеду. Мыслителю полезна перемена мест. Да и за вами пригляжу.

Князь посмотрел на меня, потом на тело Любавы и крепко стиснул ладонью ясеневое древко рогатины.

– Поохотимся!

– Сможешь найти медведя? – спросил Чупав местного лешего. Тот пожал плечами.

– Найду, дело нехитрое. Только вот его вы бы в деревню отправили.

Он показал на боровского старосту.

– Как бы со страху не натворил чего.

Староста отчаянно замотал головой.

– Нет! Я с вами пойду! Куда тут одному по лесу шастать? Что вы!

В глазах его был такой страх, что я не выдержал.

– Ладно. Только иди сзади и не мешайся.

Леший, как и Чупав, тоже сплюнул на усыпанную хвоей мягкую землю.

Высоко над нами чуть качнулась тяжёлая еловая лапа. Я посмотрел наверх. Там с ветки на ветку беззаботно прыгала белобокая чернохвостая сорока. Она чистила клювом перья и изредка поглядывала на нас любопытным блестящим глазом.

Над моим ухом раздался сухой щелчок. Стрела свистнула в воздухе и сшибла сороку с ветки. Птица закувыркалась вниз растрёпанным комком перьев.

Джанибек довольно ухмыльнулся и опустил лук. Подошёл к птице, наступил сапогом и выдернул стрелу. Обтёр её о штанину и убрал в колчан.

Я с недоумением посмотрел на дружинника.

– Зачем ты птицу сшиб?

– Она давно за нами летит, – ответил Джанибек. – Подойдём ближе к медведю – закричит и предупредит его.

Хера себе!

Леший внимательно оглядел нас.

– Ты, – он ткнул длинным пальцем в Джанибека, – иди рядом со мной. Если что – сразу стреляй, не жди.

Джанибек кивнул, прищутив глаза.

– Вы, – леший показал на меня с Чупавом, – идите за нами. Близо не теснитесь. Так, чтобы удобно было оружием пользоваться.

Чупав закинул на плечо рогатину с длинным стальным наконечником. Такую же, как у князя Всеволода. Они и мне пытались навязать эту дуру, но я предпочёл привычный меч.

– Ну, а вы позади, – сказал леший князю Всеволоду и старосте. – И надень шлем, князь. Мало ли что!

Князь Всеволод недоверчиво нахмурился, но спорить не стал. Надел на голову островерхий стальной шлем с кольчужной сеткой, закрывающей шею.

– Шагайте тихо, – предупредил нас леший, – и смотрите под ноги. На сухие ветки не наступайте. Спугнём зверя – уйдёт, и не заметим.

– Может, похоронить её? – неожиданно предложил староста, показывая на труп женщины. – По-человечески, а? Земля мягкая. Можно палками могилу вырыть.

– Убьём медведя – придёшь с сельчанами и похоронишь, – сказал ему леший. – Всё, идёмте!

Мы медленно продвигались вперёд, осторожно ступая по мягкому длинному мху. Отводили в стороны ветки, придерживая их руками, чтобы не хлестнули по лицу идущего следом.

По заросшему травой кособокому ручью спустились к лесному ручью. Прозрачная вода быстро бежала, вихрясь возле серых камней и затонувших брёвен, поросших зелёными водорослями. В воде сновали серые рыбёшки, с ладонь величиной.

Леший решительно зашлёпал на другой берег. Я вслед за ним ступил в ледяную воду. Просочившись сквозь швы сапог, она обожгла ступни холодом.

Перейдя ручей, мы вышли на песчаную отмель. Леший задержался на ней, показывая что-то Джанибеку. Я тоже подошёл взглянуть.

На мокром зернистом песке отчётливо отпечатались следы. Набольшие косолапые подошвы и длинные борозды от когтей. След уходил вверх, на заросший лесом берег.

– Крупный зверь, – тихо сказал Чупав. – Осторожный.

– Ничего, – так же тихо ответил леший. – Мы к нему против ветра зайдём. Не учует.

Леший приложил палец к губам и стал подниматься наверх по травянистому склону.

На этом берегу ручья рос низкий березняк. Похожая на золотые сердечки листва обвисла, прибитая осенними дождями, но пока ещё держалась на ветках.

Да тут хер что разглядишь!

Кривые берёзы крепко сплелись ветками, словно боялись упасть поодиночке. Продираться через них было бессмысленно. На весь лес шум поднимем.

Леший подумал и повёл нас в обход березняка. Показал рукой на рыжие стволы сосен, которые возвышались над берёзами.

– Обойдём березняк вокруг, я поищу след. Если не найду – значит медведь в березняке и залёг. Тогда пойдём напрямую.

Джанибек наложил на тетиву лука стрелу с острым калёным наконечником.

Леший вдруг остановился и тревожно повёл носом. Я тоже принюхался и уловил резкий звериный запах.

Бля!

Берёзы затрещали под тяжёлой тушей. Зверь с рёвом выпрыгнул прямо на нас.

Староста отлетел в сторону от мощного удара когтистой лапой. Только грязные лапти мелькнули в воздухе. А затем медведь одним прыжком очутился рядом с князем Всеволодом и подмял его под себя.

Я отчётливо услышал, как скребут когти по стальному шлему.

Вот тебе и рогатина! Как ей ткнёшь, если зверь придавил тебя к земле?!

Я выхватил меч, и тут же над ухом дважды сухо щёлкнуло. Одна стрела впилась медведю в нос, вторая вошла глубоко в левый глаз. Зверь отчаянно заревел. В его рёве слышалось что-то жутко первобытное, почти человеческое.

Остриём меча я полоснул зверя по мохнатой жопе, почти отрубив ему заднюю ногу. Рядом крикнул Чупав и всадил в медведя свою рогатину. Кровь ручьями побежала по бурой шерсти.

Медведь резко извернулся, вырвав рогатину из рук Чупава. Огромная пасть клацнула зубами рядом с моей правой ногой. По спине побежали холодные мурашки. Я отпрыгнул в сторону и снова замахнулся мечом.

Ещё один сухой щелчок. Джанибек целился в правый глаз медведя, но промахнулся. Стрела вошла глубоко в мясистую щёку. Зверь взмахнул лапой и переломил тонкое древко стрелы. Уцелевшим глазом уставился на меня. Взгляд его был точь-в-точь как человеческий!

Я с силой рубанул мечом широкую лобастую голову.

Глава 2: Избушка на ножках

Мой удар не убил медведя, но на мгновение остановил его. Этого мгновения хватило Чупаву, чтобы схватить рогатину князя Всеволода и засадить её глубоко под левую лопатку зверя.

Медведь снова взревел. В груди у него что-то забулькало, захрипело. Тёмная, почти чёрная кровь потекла из оскаленной пасти, пачкая светлую манишку на груди. Уцелевший правый глаз подёрнулся матовой пеленой.

Я глубоко всадил меч прямо между жёлтых клыков. Лезвие пробило затылок и вышло наружу.

Леший подскочил к Чупаву и всем весом налёг на рогатину. Вместе они спихнули медведя с князя Всеволода. Огромный зверь мягко рухнул набок, несколько раз дёрнул в воздухе страшными когтистыми лапами и затих, вытянув морду.

Я бросил на хер меч и подбежал к князю. Всеволод весь в крови, лежал, заслоняя руками бледное лицо. Помятый шлем кое-как держался на его голове.

– Князь! – заорал я. – Ты жив?!

Бля! Мишка меня убьёт!

Князь слабо застонал и пошевелился.

Слава богам! Жив!

Опираясь на руки, Всеволод кое-как сел, расширенными зрачками глядя на меня.

– Ч-ч-то эт-то?... – попытался спросить он. Нижняя челюсть князя дёргалась, зубы громко стучали друг о друга.

Я присел рядом с ним на корточки.

– Ты цел?

Князь осторожно покрутил головой. Подтянул к животу длинные ноги.

– В-вроде. Охереть! Немой, у тебя выпить есть?

– Сейчас!

Я нашарил в кармане серебряную фляжку с дед Мишиным самогоном и протянул её князю Всеволоду. Он сделал жадный глоток, закашлялся. Самогон струйкой потёк по его сивой бороде. Князь со свистом втянул в себя воздух и уже твёрже повторил:

– Охереть!

Я оставил его приходить в себя, а сам пошёл посмотреть, что там со старостой.

Чупав и леший рубили молодые ёлки, делая носилки.

– У старосты рёбра сломаны, – озабоченно сказал мне Чупав. – Нести придётся.

Я взглянул на мужика. Лицо его было бледным, на грязном лбу выступили мелкие капельки пота. Староста держался за правый бок и дышал часто, прерывисто. Но крови на губах не было. Значит, лёгкое не пробито. А остальное заживёт.

– Понесём, – кивнул я, прикидывая – сколько нам шлёпать до деревни. Выходило порядочно. К ночи хрен доберёмся.

– Ч-что это? – в голосе князя Всеволода я услышал страх и быстро обернулся.

– А?

Ипать!

Медведя не было. Вместо зверя на залитом кровью мху лежал голый коренастый мужик. Голова его была разрублена, кучерявые чёрные волосы слиплись от крови. Из распахнутого рта торчала рукоять моего меча.

– Всеблагие боги! – прошептал староста и отвернулся, хрипло дыша.

От увиденного и от сладкого, тяжёлого запаха крови меня вдруг замутило. Я прислонился к сосне, уткнулся лбом в шершавую холодную кору, пытаюсь прийти в себя.

– Перекидыш, – мрачно сказал Чупав, и повернулся к старосте.

– Знаешь его?

– Это Серёжка Чёрный. Тот, что по весне утонул.

– Значит, не утонул.

Чупав зло сплюнул себе под ноги.

– Понимаешь, князь, чем дело оборачивается?

Я вопросительно посмотрел на него.

– Откуда здесь перекидыш взялся?

– Ну, мало ли! – пожал я плечами.

– Раньше за этим Серёжкой что-то странное замечали? – спросил Чупав старосту. – Может, из дома пропадал?

Староста еле заметно покачал головой.

Князь Всеволод попытался подняться, но со стоном плюхнулся обратно на мох.

– Что, княже?

– Нога!

Он виновато показал глазами на левую ступню.

Бля! Двоих мы не унесём!

– Идти сможешь? – на всякий случай спросил я Всеволода.

– Если костыль вырубить – смогу, – кивнул он.

Один с костылём и четверо с носилками. Ипать, мы так неделю до деревни будем добираться!

Коней мы оставили в деревне.

Я с надеждой посмотрел на лешего.

– Может, лошадей приведёшь?

Леший мотнул косматой головой.

– Мне без вас в деревню хода нет. Не отдадут коней.

И то правда. Если леший вернётся без нас, да ещё и лошадей попытается увести – деревенские заподозрят неладное.

Леший поднял глаза к хмурому осеннему небу, что-то прикидывая.

Я тоже посмотрел на небо. Похоже, ещё и дождь собирается. В воздухе пахло зябкой сыростью. Всё одно к одному, бля!

– К Яге пойдём, – решительно сказал леший.

Я вытаращил глаза.

– К кому?

– Увидишь, к кому, – криво усмехнулся он.

Мы очистили от веток две длинные еловые жерди, продели их в широкую рубашу Чупава и крепко связали поперечинами. Получились мягкие носилки. На носилки уложили боровского старосту.

Голый по пояс Чупав поёжился на холодном ветру.

– Идёмте скорее! Холодно, бля!

Мы с Джанибеком взяли за передние ручки носилок. Леший и Чупав стали позади. Князь Всеволод опёрся на обмотанный тряпкой костыль.

– Точно сможешь идти? – ещё раз спросил я его.

– Смогу, – отмахнулся князь.

– Говори – куда нам, – кивнул я лешему.

– Я покажу, – вмешался Мыш. – Тут рядом.

– Ты бывал тут, что ли? – удивлённо спросил я его.

Мыш мотнул головой.

– Чтобы знать дорогу, необязательно ходить по ней раньше, – сказал он.
Я только хмыкнул. А леший недоверчиво посмотрел на Мыша.

Двигались мы со скоростью ежа, одолевшего гадюку. То есть, очень медленно. Грубо оструганные жерди немилосердно оттягивали руки. Приходилось часто останавливаться, чтобы отдохнуть и поменяться.

Князь Всеволод плёлся со своим костылём без единой жалобы. Лицо князя было суровым, губы плотно сжаты. Мужик, что ещё сказать!

В одном месте мы наткнулись на небольшой ручеек и от души напились холодной чистой воды. Я предложил было устроить основательный привал, но леший возразил.

– Торопиться надо! После захода солнца Яга к себе не пустит.

Ну, надо – значит, надо. Я взялся за надоевшую ручку и распрямил затёкшую спину.

Ещё через час мои ноздри уловили запах дыма.

– Яга печку топит, – подтвердил мою догадку леший. – Уже близко.

Мыш не подвёл. Он вывел нас напрямиком к ограде из кривых жердей, которая огораживала небольшую поляну посреди высокого елового леса. На первый взгляд, ограда вряд ли сдержала бы животное, крупнее кота. Но на торчащих вверх кольях висели выбеленные дождём и солнцем черепа волков и кабанов. А над калиткой приветливо улыбался жёлтыми зубами человеческий череп.

Посреди поляны на восьми основательных столбах стояла бревенчатая избушка, крытая дёрном. Избушка хмуро смотрела на нас двумя небольшими окошками, которые охеренно напоминали глаза. Двери я не видел. Может, с другой стороны? Хотя, кто так строит-то? Чтобы от калитки к двери вокруг дома переться?

Калитка была приоткрыта. Мы с Джанибеком сунулись внутрь ограды, но леший нас остановил.

– Куда вы без приглашения? – сурово спросил он. – Неприятностей хотите?

Мы опустили носилки на траву. Князь Всеволод тяжело опустился рядом.

Леший почтительно поклонился в сторону избушки.

– Яга-матушка! Не откажи в помощи! Приюти на ночь, вылечи раненых!

Избушка не отозвалась. Так и продолжала глядеть на нас тёмными окнами.

Леший поклонился снова.

– Яга-матушка! – без особой надежды повторил он. – Не откажи в помощи, вылечи раненых!

Избушка молчала. На поляне потемнело, начал накрапывать дождь.

Да какого хера?! Что нам – под дождём ночевать с ранеными?!

Я отодвинул лешего в сторону и решительно шагнул в ограду.

– Нет!

Леший вцепился мне сзади в рубаху, потащил в сторону.

– Нельзя, князь! Хуже будет!

– Пусты его! – сказал позади нас глубокий женский голос. – Ему можно.

Пальцы лешего выпустили мою рубаху. Я оглянулся. За моей спиной стояла русоволосая женщина в белом сарафане до пят.

На её лице не было ни морщинки. Чёткий овал лица, щёки с лёгким бронзовым румянцем. Высокий гладкий лоб.

Но глаза... Их взгляд был невыносимо тяжёл. Так смотрят люди, которые не просто прожили долгий век, но и немало на этом веку повидали.

Леший торопливо поклонился.

– Прости, матушка, что потревожили без разрешения!

Яга улыбнулась кончиками губ, не отрывая от меня тяжёлого взгляда.

– Ему можно, – повторила она. – Он князь нечисти. А я ведь – тоже нечисть. Значит, он – и мой князь.

Она замолчала и снова стала глядеть на меня.

Бля! Прямо сверлит взглядом.

Я чуть было не поёжился, но сдержался.

– Раненные у нас, – сказал я Яге. – Им на земле ночевать нельзя. Мы переночуем, а утром уйдём.

Она чуть наклонила голову.

– Входите!

Без лишних слов мы подхватили носилки и направились к избушке.

Бля!

Пока мы разговаривали, избушка словно повернулась к нам другой стеной. Окон в этой стене не было, зато нашлась крепкая дощатая дверь. Над дверью, под самой крышей чернело небольшое отверстие, через которое выходил едва заметный сизый дым.

И тут колдовство!

К двери вела крутая деревянная лестница.

Ладно, хер ли раздумывать?

Мы подтащили носилки к ступенькам.

Яга поднялась первой. Что-то шепнула возле двери, и дверь сама собой открылась.

Мы подняли носилки со старостой и втокнули их в дверь. Затем я поднялся по скрипучей лестнице и перешагнул через старосту. В его лице не было ни кровинки – переход по лесу дался ему тяжело.

Джанибек шёл следом за мной.

Я огляделся.

Внутри избушка оказалась куда больше, чем снаружи. Посередине стояла огромная печь, сложенная из гранитных валунов. И как только пол не проваливается?

Дым от печи не поднимался под потолок, как казалось снаружи, а уходил из дома по высокой кирпичной трубе.

Ну, хрен ли тут удивляться?

Возле печи прислонился крепкий стол, сбитый из толстых досок. Вдоль бревенчатых стен горели восковые свечи в деревянных подсвечниках.

Окон в противоположной стене было не два, а три. Одно тщательно задёрнуто холщовыми занавесками.

Яга проследила мой взгляд и улыбнулась.

– Не в каждое окно в моём доме можно выглядывать, князь. А уж тем более – вылезать. Обратно потом не влезешь.

Она показала рукой в угол, где стояла широкая лавка.

– Положите раненого туда. Погодите!

Яга сняла с гвоздя овчинную шубу и постелила на лавку.

– Теперь кладите. Я сейчас.

Она отошла к печке, громынула заслонкой. Вытащила ухватом из печи чугунок с каким-то дымящимся варевом и поставила его на стол. По комнате поплыл вязкий сладковатый запах.

Возле лавки я увидел закрытую дверь. Такая же была и в противоположной стене.

Интересно – что за этими дверями? Ещё комнаты? Охереть!

Тайком от Яги я осторожно подёргал ручку. Заперто.

Мы с Джанибеком положили раненого старосту на лавку. Он слабо застонал и закусил губу, испуганными глазами глядя вокруг.

– Ничего, – сказала от печки Яга. – Сейчас будет легче.

Она открыла сундук у стены и достала из него широкую чистую тряпицу. Быстрыми движениями с треском разорвала её на полосы.

Я вышел из избушки, спустился вниз. Оглянулся.

Неказистый домик на подпорках. Из отверстия под крышей всё так же идёт дым.

– Пойдём, княже, – сказал я Всеволоду, который по-прежнему сидел на траве. – Помогу тебе подняться.

– А поместимся все в таком домишке? – с кривой улыбкой спросил князь.

– Поместимся, – ответил я.

Пусть сам охренеет, когда увидит избушку изнутри.

Глава 3: Ужин при свечах

Яга усадила князя Всеволода на деревянный табурет.

– Разувайся! – велела она.

Я помог князю стащить сапоги. У него даже уши покраснели, когда от грязных портянок пахнуло крепкой мужицкой вонью.

Яга и бровью не повела. Подставила князю под ноги деревянный таз и налила в него из чугунка горячий травяной отвар.

– Опускай ногу.

Всеволод осторожно попробовал температуру ступней в грязевых разводах.

– Горячо!

– Ничего, не ошпаришься! – насмешливо улыбнулась Яга.

Князь снова покраснел, закусил губу и опустил ногу в таз.

Яга поставила чугунок с отваром рядом с ним на дощатый пол.

– Как остынет – долей горячего.

Старосту она осматривала долго и внимательно. Легко стучала длинными пальцами по его груди, низко наклонялась к лежащему, слушая хрипы.

Достала с полки деревянную баночку с желтоватым салом. Намазала старосте этим салом грудь.

Джанибек, увидев баночку, хлопнул себя по лбу и полез в мешок. Достал оттуда точно такую же банку, или очень похожую.

– Потапыч дал! – объяснил он мне и протянул банку Яге. – Возьми! Должно помочь.

– А может, самого Потапыча позвать? – осенила меня здравая мысль. – Сейчас я лужу найду!

По дерновой крыше избышки мягко стучал ночной дождь. Так что отыскать лужу было бы не трудно.

Яга вытащила деревянную пробку, длинным мизинцем зачерпнула мазь Потапыча и поднесла к носу.

Кстати, мизинец у неё длиной был почти с безымянный палец. Я такое видел впервые.

– Неплохо, – кивнула она, внимательно посмотрев и обнюхав мазь. – Я могу кое-что добавить, и она будет действовать быстрее. Но всё равно – очень неплохо!

С этими словами Яга бросила в баночку щепотку тёмного порошка и тщательно размешала ложечкой из светлого дерева, бормоча что-то себе под нос. А затем снова намазала грудь старосты, изведя на него почти всю мазь. После этого попросила меня приподнять раненого и бинтами туго перетянула его грудь.

– Утром станет легче, – сказала она старосте. – А через неделю всё заживёт.

– Спаси тебя всеблагие боги! – испуганно забормотал мужик.

– Не надо! – жёстко ответила Яга и быстро поднялась с лавки. Заткнув баночку крышкой, она хотела вернуть её Джанибеку, но передумала.

– К утру сделаю такую же и верну, – сказала она.

– Конечно! – весело прищурился дружинник.

Князь Всеволод к этому времени блаженствовал, засунув в таз обе ноги. Ступни князя покраснели, но были чистыми, как у младенца.

– А теперь давайте поедим, – сказала Яга. – Что там у вас в мешках?

Мы выложили на стол сушёное мясо и рыбу, варёные яйца и пирожки с капустой, которые испекла нам в дорогу баба Дуня.

Яга снова пошарила ухватом в бездонной глубине печи и поставила на стол очередной чугунок с дымящимся, аппетитно пахнущим варевом.

– Грибная похлёбка, – объяснила она в ответ на мой заинтересованный взгляд. – Мясного я не ем, не удивляйся, князь.

Кроме чугунок на столе появились глубокие миски из обожжённой глины и деревянные ложки. Ручка моей ложки была украшена сложным узором из вырезанных треугольников и кругов. Похожий узор шёл по краю глиняной миски, только он был не вырезан, а выдавлен в свежей глине.

Я подозрительно понюхал коричневый бульон, в котором плавали кусочки грибов и разваренные листья.

– Ешь, князь, – улыбнулась Яга и первая зачерпнула ложкой варево.

Я почесал в затылке, подхватил миску и пошёл к старосте, который тихо лежал на лавке.

– Есть хочешь? – спросил я его.

Староста чуть прикрыл глаза, потом снова открыл их.

Приподняв его за плечи, я пристроил ему под спину свой мешок. Потом поднёс к тонким губам ложку с горячим бульоном.

Староста со всхлипом втянул в себя жидкость.

Он одолел примерно половину миски. Потом откинулся на спину и прикрыл глаза.

– Спасибо!

– Ну, давай, спи! Завтра нам силы понадобятся.

Я поправил под старостой шубу и снова вернулся за стол.

Пока меня не было, на столе появились крохотные рюмки из тонкого золотистого стекла.

Интересно, бля, откуда Яга в глухом лесу взяла такую посуду? Я таких рюмок даже в Старгороде не видел.

Даже перед Мышом стояла рюмка, из которой был отпит изрядный глоток.

Прозрачная жидкость в моей рюмке пахла спиртом и анисом. Брр! Не нравился мне этот резкий запах.

– Пей, князь! – улыбнулась Яга и встала из-за стола. Подошла к старосте, наклонилась над ним.

Воспользовавшись моментом, я пододвинул свою рюмку князю Всеволоду, а себе забрал его пустую.

Всеволод ничего не заметил. Продолжая держать ноги в остывшем тазу, он убеждал Чупава сменить работу.

– Иди ко мне боярином! – уговаривал князь. – Работа не пыльная. Отрасти бороду и сиди себе в думе. Бобровую шапку я тебе выдам на первое время. А как денег наворуешь – свою сошьёшь. Мне верные люди во как нужны!

Для убедительности князь провёл рукой по небритому горлу.

– Да ну тебя к лешему, князь! – отбивался Чупав. – А кто оружие ковать будет?

– Во! К лешему! – обрадовался Всеволод и залпом выпил мою рюмку. – Леший! Пойдёшь ко мне в бояре?

Леший изумлённо взглянул на князя.

– Вправду, что ли?

Во их разобрало-то, бля! А, вроде, рюмки маленькие!

Чтобы не отставать от коллектива, я достал из кармана серебряную фляжку и сделал большой глоток. Самогон обжигающим комком прокатился по пищеводу и упал в желудок. Изнутри пошло тепло.

Хорошо-то как!

– Хер ли вы спорите? – вмешался я в разговор. – Князь Всеволод дело говорит. Должен кто-то от нечисти в боярской думе быть. А кто? Сытину некогда – у него дел полно. Хлюпня не позовёшь – для него надо бассейн в думе ставить. Потапыч тоже не пойдёт – он в своём лесу

прирос уже. Остаёшься ты, Чупав! Ты уважаемый человек. Нечисть тебя слушает. И князя послушают. А оружие ковать в свободное время можно. Дума не каждый день заседает.

– Вообще-то, я не человек! – для порядка возразил Чупав.

Но по его лицу было видно, что он сдаётся.

Леший разочарованно вздохнул. Наверное, уже в мыслях примерил на себя бобровую шапку.

Яга укрыла старосту поллой овчинной шубы и вернулась к столу.

– Ну что, – просила она, – спать пойдёте? Я вам там постелю.

Она кивнула на запертую дверь в левой стене комнаты.

– В тесноте, да не в обиде, как говорится.

Князь Всеволод широко зевнул, прикрыв рот ладонью.

– Да, хорошо бы! – сказал он.

Глаза князя были сонные – дальше некуда!

Яга с лёгким удивлением взглянула на него и на мгновение нахмурилась.

– погоди, – сказал я. – Я правильно понимаю, что ты в этом лесу давно живёшь?

Яга звонко расхохоталась.

– Давно, князь! Ох, давно!

Я дружелюбно улыбнулся.

– Значит, всё тут знаешь. Можешь что-нибудь рассказать о здешних перекидышах?

Лицо Яги стало серьёзным.

– А что тебя интересует, князь?

– Вот смотри, – объяснил я. – Я и сам перекидыш. В кота.

– Я знаю, – улыбнулась Яга.

– Когда я перекидываюсь – во мне просыпается что-то кошачье. Эти... как их, бля?!

– Инстинкты, – подсказал Мыш и клюнул носом в стол.

– Вот! – подхватил я. – Но мозгов я не теряю! Даже наоборот – соображаю лучше, чем человек!

– Да ладно? – удивился князь Всеволод.

На минуту он даже перестал похрапывать.

– Так, – кивнула Яга.

– Ну вот, – сказал я, силясь вернуть мысль. – А этот медведь набросился на нас, как полудурок. Он что, не соображал, что мы его убьём? Да и вообще – какого хрена он медведем по лесу столько времени шастал? Не мог обратно в человека перекинуться, и спокойно дома сидеть?

– Интересный вопрос, – нахмурилась Яга. – Но пока я не могу на него ответить. Ты и вправду хорошо соображаешь, князь! Даже когда выглядишь человеком.

Она снова улыбнулась.

– Немой – красавица! – провозгласил князь Всеволод, не поднимая голову со стола.

Леший с Чупавом мирно спали, прислонясь друг к другу. Глаза Джанибека окончательно сузились.

Яга бросила быстрый взгляд на князя Всеволода и снова нахмурилась.

Что у неё настроение так быстро меняется?

Я широко зевнул.

– Ладно! И вправду, пойдём мы спать!

Я толкнул Чупава локтем в бок. Он свалился на лешего, и оба они грохнулись с лавки. Вскочили, озираясь.

Я сгрёб со стола спящего Мыша и кивнул Чупаву.

– Идём отдыхать, молодцы! Князя прихватите!

Стукнув длинными пальцами по косяку, Яга заставила дверь открыться. Я немедленно сунул в комнату любопытный нос.

Ничего примечательного там не было. Небольшое помещение, даже без окон. Только под самым потолком – небольшое отверстие, из которого тянул холодный сырой воздух. Видимо, отверстие вело на улицу.

С мебелью в комнате так же было негусто. Огромная деревянная кровать, заваленная шубами и одеялами. На ней могли поместиться человек десять, не меньше.

– На улицу ночью не шастайте, – предупредила Яга. – Я вам тут ведро поставлю для всяких надобностей. До утра обойдётесь.

Она поставила на пол большое деревянное ведро и вышла, прикрыв за собой дверь.

Я подождал минуту и нажал на дверную ручку. Не заперто!

Оглянулся – дружина спала вповалку на кровати. Даже одеялами не укрылись – как упали, так и заснули.

Хрень какая-то! Похоже, чем-то Яга их опоила.

Да какого хера «чем-то»?! Та самая настойка с запахом аниса! Вот не зря меня всегда от него с души воротило!

Я откатил храпящего князя Всеволода поближе к лешему, а сам скинул сапоги, прилёг на край огромной кровати и стал думать.

На кой хер Яга напоила нас сонным зельем? Чем она тут по ночам занимается? Ясно, что какой-то таинственной хренью, которую посторонним видеть не надо.

Но почему тогда не заперла дверь? Или решила сделать это попозже, когда мы все точно уснём?

Бля!

А не связана ли она как-то с ипанутым медведем?

А что? Она в лесу живёт. Медведь тоже в этом лесу промышлял. Всё сходится!

Я подумал ещё минут десять и решил, что неплохо было бы узнать побольше.

С этой умной мыслью я поднялся с кровати.

Может, в кота перекинуться? Хотя, какая разница? В доме что кот, что человек всё равно не спрячется. А так я хотя бы заорать смогу, если что.

Я не стал надевать сапоги и босиком осторожно подошёл к двери. Придерживая рукой, потянул створку на себя. Она беззвучно открылась, и я вышел из комнаты.

В кухне было почти темно. Только на столе горела одинокая свеча в толстом деревянном подсвечнике. Посреди помещения остывала огромная печь. С лавки у стены слышалось сопение боровского старосты. Деревянные половицы холодили босые ступни.

Яги не было.

Неслышными шагами я пересёк комнату и остановился у двери в противоположной стене. Если Яга в доме – то она там, больше ей быть негде.

Бля!

Но не ломиться же в комнату к малознакомой нечисти женского пола?! Меня, вроде, не приглашали.

Я отошёл от двери и выглянул в окно.

Огромная луна висела высоко, освещая поляну белым потусторонним светом. Резные силуэты ёлок чёрными привидениями стояли вокруг.

На всякий случай, я выглянул во второе окно и увидел там ровно то же самое.

Тогда я подошёл к третьему окну. Раздвинул холщовые занавески, взглянул сквозь пыльное стекло...

И охренел!

Глава 4: Яга

За окном виднелась крохотная покатая лужайка, поросшая мокрой от росы или дождя травой. На лужайку из дома спускалась резная деревянная лестница. Под таким углом я видел только её нижние ступеньки и часть перил.

Сразу за лужайкой был обрыв в пропасть.

А за обрывом громоздились горы. Зелёные подножья переходили в чёрные скалистые бока. Выше по бокам ползли вниз синеватые, сверкающие ледники и белые снежники. Над ними клубились тяжёлые серые облака. А ещё выше лежали вечные снега, спрессованные пронизывающим высокогорным ветром. Тонкое стекло вздрагивало и звенело под его напором.

Над горами ослепительно светило солнце.

Бля! Сейчас же ночь!

Яга, совершенно голая, стояла посреди лужайки лицом к обрыву. Распущенные волосы гривой спускались по её спине до самых ягодич.

Даже просто глядя на неё, я почувствовал такой холод, как будто по спине прошлась ледяная рука.

И как она не мёрзнет?!

Яга подняла голову. Откинула волосы со лба.

В бледном небе появилась чёрная точка.

Точка увеличилась и превратилась в огромное трёхголовое чудовище, летящее на перепончатых крыльях. Вот оно подлетело совсем близко. Растопырило крылья, заслонив собой половину неба. Вытянуло вперёд короткие мощные лапы с кривыми когтями и приземлилось на лужайку.

Охереть!

Тело чудовища сплошь покрывала крупная золотистая чешуя, похожая на рыбу. Длинные шеи поросли нежно-золотистыми перьями. На головах торчком стояли алые гребни. На сухих змеиных губах трепетали крохотные огоньки.

Ипать! Оно огнём дышит, что ли?!

Яга повернулась к чудовищу. Чудовище сложило крылья и потянулось зубастыми мордами к Яге. Обнюхало её, отстранилось и довольно пыхнуло огнём. Затем вытянуло вперёд тонкую переднюю лапу и острым когтем быстро провело Яге между грудей сверху вниз.

Бля!

Яга вздрогнула. По её смуглому животу широким ручьём потекла кровь.

Чудовище принялось поочередно слизывать кровь тремя розовыми шершавыми языками.

Я почувствовал, как онемел кончик моего носа, расплющенного о холодное стекло.

Чудовище закончило свой завтрак. Сделало шаг назад на коротких кривых лапах и сыто рыгнуло. Из пастей вырвались языки пламени.

Яга стояла неподвижно, хотя пламя почти коснулось её волос.

У меня вдруг остро защемило сердце от жалости к ней.

Внезапно чудовище повернуло левую голову и уставилось прямо на меня. Тонкие бесцветные губы скривились в подобии улыбки.

Затем оно сделало ещё один шаг назад и опрокинулось в пропасть. Расправило широкие перепончатые крылья, поймало восходящий поток воздуха и взмыло вверх. Заложило стремительный вираж над лужайкой, а потом полетело в сторону солнца, постепенно уменьшаясь в размерах. Через минуту чудовище стало точкой, а потом окончательно исчезло в бледно-голубом небе.

Яга медленно повернулась и, пошатываясь, побрела к лестнице.

Я быстро задёрнул холщовые занавески. Повернулся и вздрогнул – Яга стояла прямо за моей спиной.

– Всё-таки не уснул, князь! – с кривой усмешкой тихо сказала она.

Лицо Яги заострилось, побледнело. Под глазами залегли глубокие синеватые тени.

Я посмотрел на её грудь и живот. На них не было и следа ран.

– Пойдём со мной, – сказала она и взяла меня за руку. Её ладонь была холодной как лёд.

– Мне нужна мужская сила. Мужское тепло. Иначе я не доживу до утра.

Э, бля! Вообще-то, у меня Глашка есть!

Яга посмотрела мне прямо в глаза.

– Я хотела, чтобы это был ты. Знала, что ты не согласишься, и выбрала князя Всеволода.

Но ты сам всё решил.

Ипать!

А ведь так оно и было! Это же я подсунул князю Всеволоду свою рюмку!

Ну, ты и влип, Немой!

– Идём! – умоляющим голосом повторила Яга.

Я взял её за руку и пошёл вслед за ней в её комнату.

– Нынешние боги – молодые, – тихо рассказывала Яга, лёжа на моей руке. – А раньше были старые боги. Сегодня ты видел одного из них.

Я осторожно гладил Ягу по впалому животу. Тёплое тело вздрагивало под моей ладонью.

– Давным-давно была война между богами. Не в мире. В умах и сердцах людей. Новые боги победили, а старые ушли в забвение. Так бывает. Только мы не даём им умереть окончательно. А боги за это делятся с нами своей силой.

– А обязательна вся эта херня? – спросил я. – Кровь, раны и всё вот это? Нельзя как-то попроще помнить богов?

Яга слабо улыбнулась.

– Нельзя, князь. Богам нужна искренность. Полное единение. Понимаешь?

Если честно – ни хрена я не понимал! Но чувствовал, что Яга не врёт.

– И сколько лет ты вот так живёшь? – напрямую спросил я.

– Лет?

Я почувствовал, как живот Яги мелко дрожит от смеха под моими пальцами.

– Не спрашивай, князь. Не надо тебе это знать.

В голосе Яги послышалась горечь. Я скривился, словно разжевал горькую осиновую кору.

– А про медведя можешь что-нибудь сказать?

Яга повернула голову, внимательно посмотрела на меня.

– Это очень плохое колдовство. Чужое и древнее. Не только у нашего народа были старые боги, понимаешь?

Я на всякий случай кивнул.

– Жрецы некоторых богов научились превращать людей в животных и лишать их разума. Такие перекидыши бродят по миру, убивая всех, кого встретят. А кровь их жертв подпитывает богов.

Охереть!

Я снова погладил Ягу по животу. Потом моя рука спустилась ниже, встретила влажное тепло.

Яга застонала и прижалась ко мне.

– Слушай, – спросил я её, спустя какое-то время. – А можно мне туда?

Если что – я имел в виду зелёную лужайку на краю пропасти.

– Зачем? – удивилась Яга.

– Поглядеть.

– А ты любопытный, князь!

Яга снова тихо рассмеялась.

– Гляди! Доведёт тебя любопытство до чего-нибудь неожиданного!

Да уже довело, бля!

Яга вылезла из-под одеяла и потянула меня за руку.

– Ну, идём!

Дверь на лужайку была тут же, в её спальне. Хотя окно выходило совершенно на другую сторону дома. Но я уже заипался удивляться причудам местного пространства.

Яга толкнула створку.

Мне в лицо ударил неожиданно тёплый ветер.

Ого! Да здесь совсем не холодно!

Ветер пах смолистой хвоей, горными цветами и далёким дымом. И еще немного свежим снегом. Охерительное сочетание!

Мокрая от росы трава холодила босые ноги. Поджимая пальцы, я подошёл к краю обрыва и заглянул вниз. Там, в узкой долине бесшумно билась о камни быстрая горная река. По её берегам лепились к подножиям гор маленькие серые домики из глины и камня.

– Где это мы? – спросил я.

– Не «где», а «когда», – поправила меня Яга. – До начала времён.

Потом подошла и ласково положила руки мне на плечи.

– Если сделать это здесь и сейчас – боги будут довольны, – шепнула она.

Охереть!

– Слушай, – спросил я. – Ты сказала, что можешь не дожить до утра. А если никого не находится... ну, ты понимаешь. Что ты тогда делаешь?

– Тогда я растягиваю ночь, – без улыбки сказала Яга. – А это очень невесёлое занятие.

Я наклонился и подобрал с травы золотистую чешуйку, похожую на чайное блюдце.

– Что-то я ни хера не помню!

Князь Всеволод потряс головой и удивлённо нахмурился.

– Странно! А башка не болит!

Он встал из-за стола и прошёлся по комнате.

– И нога зажала.

Я подошёл к лежащему на лавке старосте.

– Ты как?

Глаза у мужика были ясные, на щеках появился лёгкий румянец.

– Ничего! – кивнул он. – Грудь ещё болит, но терпимо.

– Подняться сможешь?

С моей помощью староста добрался до стола. Аппетит у него был волчий, как у любого выздоравливающего человека.

Ай да Яга!

Я вспомнил прошедшую ночь, и в животе сладко заныло. Допил душистый травяной чай и поставил кружку на стол.

– Ну, что? Пора в Старгород?

Яга еле заметно улыбнулась.

– Погоди, князь! Мне нужна ваша помощь.

Что, опять? Я же тебе всю ночь честно помогал!

Чупав кивнул.

– Спасибо за ночлег и за лечение! Говори – чем можем помочь?

– Я уже второй год готовлю редкий отвар, – задумчиво сказала Яга. – Рецепт его вам знать не надо. Всё равно перепутаете. Он помогает видеть то, что обычно скрыто от глаз.

– Чего-то не хватает? – понимающе спросил Чупав.

– Да, – вздохнула Яга. – Мне нужен мышиный хвост.

Охереть!

Хотя... Так-то, не самая трудная просьба. Наверняка на поляне возле избушки полно мышей.

Я вздохнул и поднялся из-за стола. Опять мне отдуваться!

– Сейчас я в котла перекинусь и наловлю тебе мышей, сколько надо. Хоть с запасом! Только оставьте еды – пожрать потом.

– Конечно! – кивнул князь Всеволод. – Слушай, Немой! А ведь я ни разу не видел, как ты в котла превращаешься! Как в человека – видел, а как в котла – нет. Можно, я погляжу, а?

Бля! Тебе тут цирк, что ли?

– Да по херу, – пожал я плечами. – Гляди, мне не жалко.

– погоди, Немой! – вдруг остановил меня Мыш.

Он серьёзно смотрел на Ягу.

– Есть какой-то подвох, да? Не может быть, чтобы ты до сих пор не раздобыла подходящую мышь.

Яга с уважением поглядела на Мыша.

– Есть. Мышь должна пожертвовать свой хвост добровольно.

Ипать!

– Слушай, так дело не пойдёт! – сказал я. – Мыша обижать не хер! Сейчас я десяток других наловлю и хоть весь день их уговаривать буду. Какую-нибудь мышь точно уговорю!

Яга улыбнулась краешками губ.

– Мне всё равно, князь. Это всего лишь просьба. Вы можете вообще отказаться. Ты уже сделал для меня очень много.

– А что ты сделал, Немой? – заинтересовался князь Всеволод. – Я так вообще ни хера не помню! Мы хоть как вчера разошлись? Не буянили?

– Нормально, – ответил я. – Дрыхли, как убитые.

И повернулся к Мышу.

– Брось дурью маяться, Мыш! На хер такие жертвы? Как ты будешь потом без хвоста ходить?

– Видно, такая судьба, Немой! – сурово ответил Мыш.

Он прямо поглядел на Ягу, потом повернулся спиной, вытянул на столе хвост и зажмурился.

– Руби, только быстро!

– Зачем? – удивилась Яга.

Она пошарила ухватом в печи и вытащила наружу горшок с булькающим варевом из трав. Поставила горшок на стол и кивнула Мышу.

– Просто макни туда хвост, и всё. Можешь очень быстро – это неважно.

– Помоги мне, Немой! – попросил Мыш.

Я пододвинул к горшку тарелку, а на неё поставил перевернутую чашку.

Мыш взобрался на донышко. Несколько секунд собирался с духом, потом быстро сунул кончик хвоста в котёл.

Бля! Я вскочил с табурета, готовый спасти Мыша.

– Тепло! – удивлённо сказал Мыш. – Но не жжёт!

Он поболтал хвостом в горшке.

Я заглянул в горшок. Варёво по-прежнему булькало и дымило.

Покачив головой, я вытащил из-за пазухи фляжку с самогоном. Сделал глоток и спросил Мыша:

– Будешь?

– Если только немного, – пожал плечами Мыш, не вынимая хвост из горшка.

– Я бы тоже не отказался!

Князь Всеволод пододвинул ко мне рюмку.

Я разлил по рюмкам остатки самогона. Мы выпили.

– Нам пора, – сказал я Яге. – Если что...

– Спасибо, князь! – кивнула она.

По скрипучим деревянным ступенькам мы спустились на поляну. Вокруг стояли густые высокие ели. Чупав и леший с двух сторон поддерживали боровского старосту. Всеволод шёл сам.

– Князь! – позвала Яга, стоя возле двери.

Я обернулся.

– Когда станет плохо, помни – есть вещи поважнее силы!

Я вздрогнул. То же самое говорил мне старый волхв Любомир. А потом...

Я хотел ещё спросить, но Яга уже скрылась за дверью.

Пожав плечами, я направился к калитке. Снова обернулся.

Приземистая изба на восьми высоких столбах неприветливо смотрела мне вслед двумя тёмными окнами. Ни двери, ни лестницы не было.

Глава 5: Лазутчики

На опушке деревенских полей мы распрощались с лешим. Добравшись до деревни Боровой, сдали старосту переволновавшейся жене. Джанибек отдал им остатки мази, чтобы лечили многотрадальные рёбра старосты.

А затем мы оседлали застоявшихся лошадей и отправились в Старгород.

Копыта коней тихо ступали по мягкой лесной земле. Жёлтые листья берёз, красные листья осин устилали узкую дорогу. Низкие облака цеплялись за голые макушки деревьев, норовили пролиться на голову холодным осенним дождём.

Джанибек ехал впереди, зорко обшаривая взглядом окрестности. От этих мест было недалеко до переправы на речке Змеюке, где князь Всеволод месяц назад разбил хазар. Уцелевшие кочевники ещё могли прятаться по окрестным лесам.

Чупав, тихо ругая лошадь, ехал позади. То ли кобыла ему попала с норовом, то ли кузнец плохо ездил верхом. А скорее – и одно, и другое вместе. Но лошадь то и дело пыталась вытряхнуть Чупава из седла. Она то пускалась рысью, то неожиданно застыла на месте.

Чупав то шептал лошади что-то на ухо, то матерился. Ни хера не помогало.

Князь Всеволод поравнялся со мной.

– Немой, мне нужна твоя помощь!

– Опять нога болит? – спросил я, ища взглядом место, где можно устроить привал.

– Да нет, – отмахнулся князь. – Тут другое дело.

– Излагай, – предложил я.

С минуту князь ехал молча. А потом зашёл издалека.

– Вот у тебя с Глашкой всё хорошо, Немой.

– В смысле? – насторожился я.

– Ну, вы вместе... и это... и вообще, – туманно объяснил князь.

– Допустим, – осторожно согласился я.

– А я вот тебе завидую, понимаешь?

– В смысле? – повторил я, как попугай.

А что делать, если от удивления мысли в голову не лезут?! Завидует он!

Князь Всеволод раздражённо мотнул бородой.

– Жениться я хочу, Немой! Мне даже сны снятся... такие, понимаешь? Сегодня вот опять снилось. Будто я на лужайке с женщиной. А вокруг горы...

Ипать! Лунатик хренов! Не иначе, как я занавеску на окне плохо задёрнул! Или он прикидывается?

Я внимательно посмотрел на князя.

Нет, не похоже. Видать, и вправду думает, что ему сон приснился. Наверное, Яга ему вместо сонного зелья бодрящее подлила. А потом он из моей рюмки выпил. Вот и бродил по дому, не просыпаясь. В окна подглядывал.

– Ну, хочешь жениться – так женись! Я-то чем тебе могу помочь? – спросил я. – У нас в Старгороде красивых девок – навалом! За князя любая пойдёт.

– Любая мне не нужна, – отмахнулся Всеволод. – Я на дочери хазарского хана жениться хочу.

Понятно, бля! Засело у него это, значит.

– Ну, так это надо посольство посылать, – подумав, сказал я. – Подарки там. Или выкуп. Какие у них традиции?

– А хер его знает, – пожал плечами князь Всеволод. – Слушай, Немой! Съезди к хазарам, а? Поговори с ними.

Я задумался. Что тут поделаешь, если с князем страсть приключилась?

– Да и союз с хазарами нам не помешает, – продолжал уговаривать Всеволод. – Мы с ними вместе против литвинов пойдём. А то болтаемся между теми и этими, как цветок в проруби.

– Ладно! – махнул я рукой. – Съезжу, хер ли с тобой делать. Только не сегодня. Давай сперва в Старгород вернёмся.

Мыш выбрался из лошадиной гривы и вскарабкался мне на плечо.

– Вижу, – сказал он.

– Что видишь? – удивился я.

– Белку, – на полном серьёзе сообщил Мыш.

– Хорошо хоть не песца, – заржал я.

– И человека, – добавил Мыш. – он с белкой разговаривает.

Я внимательно поглядел на Мыша.

– Ты самогона не перебрал часом, философ? Белки просто так не мерещатся.

– Поезжай спокойно, Немой, – не обращая внимания на шутку, сказал Мыш. – Когда я прыгну – вяжи его.

– Кого? – охренел я.

В десяти шагах впереди спокойно ехал Джанибек. Он внимательно смотрел по сторонам и хер бы пропустил человека, окажись тот около дороги.

И тут Мыш прыгнул прямо в куст бузины, на котором висели тяжёлые кисти красных ягод.

– Держи его, Немой!

Я натянул поводья и охренел. Куст отбивался от Мыша! Гибкая ветка с узкими листьями схватила его и уже собиралась зашвырнуть, куда подальше!

Я прыгнул в куст прямо из седла, зажмурившись, чтобы не выхлестнуть ветками глаза.

Да хер там, а не ветки!

Куст молотил меня самыми настоящими руками. В жёлто-красном мелькании листьев я различил оскаленное человеческое лицо.

Куст ударил меня в живот. Я ответил пинком и услышал стон.

Ага, больно, гад?!

Я толкнул сопротивляющееся тело на землю, навалился сверху. Наощупь перехватил руку и вывернул её. В руке я нащупал что-то круглое, твёрдое.

Подбежавший Джанибек накинул на пленника верёвку. Придавил коленями, затянул.

– Отпускай, Немой!

Я поднялся с земли. Тут же подскакали Чупав и князь Всеволод.

Мы удивлённо разглядывали пленника.

Невысокий жилистый черноволосый пацан был одет в пёстрый плащ, сшитый из красных и жёлтых лоскутов. Расцветка плаща совпадала с осенними листьями. Но не настолько же, чтобы ни я, ни Джанибек его не заметили!

На вид парню было лет четырнадцать, не больше.

Рядом с пацаном на земле валялся бубен, разукрашенный жёлтыми и красными пятнами.

Ипать, шаман, что ли?!

Пацан скалил на меня мелкие, удивительно белые зубы и что-то злобно шипел. Под глазом у него наливался красным здоровенный синяк.

Пошипи-пошипи мне, бя!

Я ухватил шамана за лоскутный ворот плаща и рывком поднял на ноги.

– Ты кто? Откуда? Что здесь делаешь?!

Парень оскалился и снова прошипел что-то неразборчивое.

– Он белку мучил! – наябедничал Мыш.

– Какую белку?!

– Вон!

Мышь снова вскарабкался ко мне на плечо и показал куда-то на верхушку сосны, которая росла возле дороги.

Я прищурился и, в самом, деле, разглядел на сосне белку. Она сидела неподвижно, сложив передние лапы на мохнатой груди. Мне показалось, что глаза белки поблёскивают, словно стекляшки.

– Джанибек! – попросил я. – Можешь её ссадить? Только не убей.

Джанибек прищурился и кивнул. Достал из колчана стрелу с широким плоским наконечником, похожим на нож. Вскинул лук, прицелился и выстрелил.

Стрела свистнула в воздухе. Наконечник рассёк ветку. Белка закувыркалась вниз, но застряла в развилке дерева.

– Да чтоб тебя!

Белка висела в развилке неподвижно, словно комок шерсти.

Сдохла, что ли?

Не то, чтобы мне так уж была нужна эта белка. Но любопытство в карман не спрячешь.

Перекидываемся, Немой!

В голове звонко щёлкнуло.

Я упал на четыре лапы и быстро вскарабкался на толстое дерево. Ухватил белку зубами за загривок и потащил вниз. Зверёк был мягким и тёплым, но даже не сопротивлялся. Висел безвольно, как будто потерял сознание.

Я положил белку на землю. Встал на задние лапы и перекинулся обратно в человека.

Раздался сдавленный крик. Пленник в ужасе смотрел на меня.

Держа белку в руках, я шагнул к нему. Пацан попятился, толкнул державшего его Чупава и сам упал на жопу. Отталкиваясь связанными ногами, он попытался отползти в кусты.

– Куда? – прикрикнул Чупав и замахнулся на пленника.

– погоди, Чупав! – остановил я его.

Подошёл к шаману и присел рядом с ним на корточки. Детей и собак такая херня обычно успокаивает. А шаман и был похож на испуганного ребёнка. Или на крепко побитую собаку.

– По-нашему говоришь? – спросил я его.

Он помолчал, глядя на меня расширенными глазами. Потом медленно кивнул.

– Говорю! И понимаю всё! Только не ешьте!

– Ты откуда здесь взялся?

– Я – младший шаман Великого духа Тенгри!

– Хазарин, – негромко сказал князь Всеволод, подходя ближе. – Они этому Тенгри поклоняются. Да и рожей похож.

– Ага! – задумался я. – А что ты сделал с белкой?

– Я её заклинал, – ответил пацан.

– Зачем?

Пацан опустил глаза. Уши у него стали такого же цвета, как красные пятна на плаще.

– Я очень способный шаман, – забормотал он себе под нос. – Белка должна была стать моим лазутчиком.

– Слушай, давай без этой фигни, – сказал я. – Говори, как есть. Иначе перекинусь в кота и жопу надеру.

В глазах парня снова появился ужас.

– Не надо! – пискнул он. – Я хотел вернуться домой и заблудился. Ну, и уговаривал белку показать мне дорогу. Только не успел.

Вот сейчас было видно, что он не врёт.

Я протянул ему зверька.

– Расколдовать её можешь?

– Конечно!

Парень радостно закивал и шмыгнул носом.

– Только мне бубен нужен.

Я поднял с травы бубен. Он почти ничего не весил. На деревянный обруч натянута выскобленная и высушенная шкура – вот и вся конструкция.

Повертев бубен в руках, я протянул его пацану.

Он положил белку на траву. Взял бубен в левую руку, а правой быстро выбил на нём сложную ритмическую фразу. Прозвучало это так, словно горох высыпали из деревянной банки на лист жести.

Белка вскочила и, вереща, прыгнула на дерево. Взбежала по стволу, метнулась на другую сторону и, выглядывая оттуда, принялась крыть нас отборным беличьим матом.

Чупав недовольно цыкнул на неё. Белка перебежала по длинной ветке, перепрыгнула на соседнюю сосну и скрылась в дупле.

Я поднялся на ноги и отошёл от парня на пару шагов, чтобы не пугать. Даже с такого близкого расстояния он почти сливался с осенними кустами.

– Маскировочка у тебя – что надо! – уважительно сказал я. – Даже Джанибек тебя не заметил.

– Не мог я его пропустить, – сказал Джанибек. – Это колдовство, не иначе.

– Конечно, колдовство, – гордо сказал пацан. – «Покрывало Тенгри» называется. Вы вообще не должны были меня заметить!

– Мыш, а как ты его увидел?

– Это очень просто, Немой, – ответил Мыш. – Помнишь, какое зелье варила Яга, когда мы собирались в дорогу?

Вообще-то, нет. Мне малость не до того было.

Мыш вздохнул.

– Плохо у тебя с памятью, Немой. И как ты дальше жить будешь?

Ипать! Так и буду. С плохой памятью обиды забывать проще!

– Яга варила зелье, которое позволяет видеть то, что скрыто. Я опустил в него хвост, а потом облизал.

– Ты специально это сделал? – с уважением спросил я Мыша. – Подозревал что-то?

– Нет, – покачал головой Мыш. – Просто хвост был липкий. Яга много мёду в зелье добавила.

– Ясно, – сказал я и снова повернулся к пацану. – А ты один здесь?

– Один, – быстро сказал он и снова покраснел.

Бля! Ну, не умеешь врать – так не берись!

Выколачивать из него правду мне не хотелось.

– Поедешь с нами в Старгород, – сказал я юному шаману. – Там мы с тобой разберёмся. Я обвёл взглядом нашу небольшую команду.

Джанибеку нужны свободные руки, чтобы стрелять. Нам с Всеволодом тоже не помешает возможность быстро выхватить оружие.

– Чупав! – сказал я. – Посади его к себе.

Джанибек развязал пацану ноги и посадил его на лошадь впереди Чупава. Мы запрыгнули в сёдла.

– Ладно, поехали! – махнул я рукой.

– Вижу! – опять сказал Мыш.

– Что? – слегка охерел я.

– Вон там!

Мыш показал лапой вперёд. Там из кустов медленно выходила на дорогу стая волков.

Глава 6: Серые убийцы

Мы сбились в кучу на дороге, ошетилившись остриями рогатин в разные стороны. Чупав соскочил с лошади.

– Неудобно мне на ней! – сказал он.

Широко расставил кривые ноги и взял рогатину наперевес.

Пацан остался сидеть на лошади, широко раскрытыми глазами глядя на происходящее.

– Не вздумай бежать, – сказал я ему. – Если догонят – разорвут!

Он часто закивал.

Я вытащил из-за голенища нож и разрезал верёвки на его руках. Подумал секунду и сунул нож ему в потную ладонь.

– Только сам не покалечься! Вперёд не лезь, сиди за нами!

Шаман снова кивнул.

– А заколдовать их сможешь? – на всякий случай спросил я его.

Он помотал головой.

– Они уже...

Ясно. А врал, что один тут.

Где-то за деревьями послышалась тихая дробь бубна. Я всмотрелся туда, но не увидел ничего, кроме дрожащих на ветру разноцветных листьев.

Блядь! Только заколдованных волков нам не хватало!

Князь Всеволод переложил поводья в левую руку, а правой крепко зажал свою рогатину подмышкой. Лицо его было спокойным, глаза высматривали первого противника.

Я вытащил меч и пару раз крутанул им в воздухе, разминая кисть. Сколько там тех волков? Десяток? Херня, отобьёмся!

Джанибек наложил стрелу на тетиву и прищурился.

– Я сшибу первого, который прыгнет, – тихо сказал он. – А вы берите остальных.

– Хорошо, – кивнул я.

Князь Всеволод тоже наклонил помятый шлем, показывая, что услышал дружинника.

Волки неторопливо обходили нас кругом, мелькая за деревьями. Вот один из них высунул из кустов узкую морду, оскалился, сверкая жёлтыми глазами и прыгнул.

Джанибек молниеносно выстрелил. Сухо щёлкнула тетива. Стрела ударила волка в шею, сбила его в воздухе. Он взревел, упал на землю и принялся кататься по ней, стараясь дотянуться зубами до древка.

Я полоснул волка мечом. Шкура на его боку завернулась, обнажая красное мясо. Серая шерсть мгновенно слипла от крови. Волк припал брюхом к земле и, подвывая, пополз прочь.

Сразу двое волков бросились на Чупава. Одного он успел насадить на рогатину, а от второго прикрывшись древком. Волк вцепился длинными клыками в сухое дерево, повис, стараясь своей тяжестью уронить Чупава на землю.

Хер там! Широко расставив ноги, кузнец поднял рогатину и крепко пнул волка в брюхо. Волк обиженно взвыл.

– Немой! – крикнул Чупав.

Я с разворота всадил меч в светлое брюхо хищника. Провернул остриё и дернул его вверх, к рёбрам, выпуская на землю дымящиеся волчьи кишки. В воздухе запахло горячей кровью и содержимым звериного желудка.

Волк разжал челюсти и упал мне под ноги.

Чупав, быстро перевернув рогатину, воткнул её в шею умирающего волка, пригвоздив его к земле.

Перепаханные кровью челюсти бессильно щёлкнули и замерли.

Князь Всеволод, подняв коня на дыбы, раз за разом опускал рогатину, кромсая серые спины. Его конь отбивался от волков копытами.

Джанибек, весело оскалась, сплошным потоком выпускал стрелы.

Волки падали, огрызались, визжали, зубами выдёргивали стрелы из тел, но не отступали.

Бля! Ну откуда летом такая огромная стая волков? В такие стаи они сбиваются только зимой, когда жрать нечего! А летом волки разбиваются на пары, устраивают логова, выводят щенков.

Нормальные волки.

Но только не эти!

Ещё один хищник прыгнул ко мне. Я ударил его мечом, промахнулся. Волк проскользнул внутрь нашего круга и вцепился в брюхо княжеского коня.

Конь взвился на дыбы, заржал от боли. Князь Всеволод чуть не вылетел из седла, но припал к шее коня и удержался.

Волк мотнул косматой головой и вырвал из конского брюха кусок мяса. Чупав быстро развернулся и ткнул волка рогатиной. Другой зверь прыгнул кузнецу на спину, но я встретил его подставленным клинком. Волк наткнулся широкой грудью на меч и, хрипя, сполз на землю.

Князь Всеволод спрыгнул с раненого коня. Конь, обезумев от боли, понёсся прочь. Несколько волков рванули ему вдогонку. Натиск стаи временно ослабел.

– Вижу! – завопил мне в ухо Мыш.

Молодчина философ! Он не стал дожидаться моего вопроса и сразу продолжил:

– Два человека позади волков! Они в таких же плащах!

В таких же – это понятно в каких.

Пот заливал мне глаза, мокрые волосы падали на лоб, мешая смотреть. Я откинул их назад и пристально взгляделся в чашу леса, куда указывал Мыш.

– Джанибек! Видишь их?!

– Нет! – прокричал Джанибек, накладывая на тетиву очередную стрелу из почти пустого колчана.

Да, блядь! Я тоже ни хера не видел, сколько ни пялил глаза в красно-жёлтое мелькание. Ипать!

Я схватил Мыша и, недолго думая, облизал его хвост! И ещё раз, для гарантии!

Снова взгляделся в тени мелькающей листвы и вдруг ясно увидел высокого человека с большим бубном в левой руке!

Вот же он, сука! Стоит и барабанит какую-то херню, натравливая на нас волков!

– Джанибек! – заорал я, не отводя взгляд от шамана. – Лук!

Наощупь схватил протянутый дружинником лук. Очень уж боялся потерять гада из виду. Джанибек сунул мне стрелу. Я наложил её на тетиву.

– Далеко он? – спросил дружинник.

– Метров пятьдесят!

– Целься в голову! – скомандовал Джанибек.

Бля! Вот зачем я сам лизал мышинный хвост?! Лучше бы Джанибеку предложил!

Я прицелился в голову шамана. Толстая ветка перечёркивала его фигуру пополам, но я понадеялся, что стрела пройдёт выше неё.

Я задержал дыхание и плавно отпустил тетиву.

Фигура вздрогнула, выронила бубен и схватилась двумя руками за грудь.

Есть, бля!

Уцелевшие волки растерянно подались назад.

Я бросил Джанибеку лук, снова выхватил меч и бросился к шаману, который корчился в придорожных кустах.

Наперерез мне, замахиваясь ножом, прыгнула ещё одна фигура в пёстром плаще.

Не знаю, на что рассчитывал второй хазарин. Скорее всего, он просто не понял, что теперь я их вижу. А точный выстрел посчитал обычной удачей.

Я на бегу взмахнул мечом. Кисть руки с зажатым в ней ножом отлетела в сторону. Из обрубка хлестнула кровь. Шаман визгливо завыл. Вторым движением меча я разрубил его пополам, прекратив этот тошнотворный концерт.

Когда я добежал до первого шамана, он уже стоял на коленях и тянулся к бубну.

Оставить его в живых? Да на хер сомнительные эксперименты! Кто его знает – на что способен человек, подчиняющий своей воле диких зверей. У нас шаманёнок есть, если что!

С этой мыслью я к ипням снёс шаману голову. Она покатилась в сторону, а безголовое тело ткнулось в мягкий мох, пачкая его кровью.

Я плюхнулся прямо рядом с шаманом, не обращая внимания на его судороги. Ноги после боя не держали.

Оставшиеся в живых волки убегали, скуля.

Обезглавленный шаман дёрнулся в последний раз и затих. Я ещё посидел, вытер меч о его лоскутный плащ и убрал в ножны.

Княжеского коня мы так и не нашли. Волки угнали его куда-то в лес, да там и задрали, видно.

Раненых хищников мы добили без всякой жалости. Слава богам, они оказались не перекидышами, а обычными зверьми. Не хватало ещё, чтобы всякие ужасы по ночам снились!

Мы отошли метров на сто от места побоища. Не отдыхать же среди кишок и кровищи! Нашли в лесу ручеёк, умылись и решили сделать привал.

Успокоившихся лошадей пустили пастись, привязав для спокойствия на длинный повод. Упаси боги, вернутся волки – не соберём коней. И так придётся в Старгород пешком шлёпать.

Я привалился спиной к толстому стволу сосны и с удовольствием жевал кусок вяленого мяса с ржаным сухарём. Сухарь перед тем, как откусить, надо было долго размачивать в воде. Иначе – как будто кирпич жуёшь. Мясо тоже не отличалось мягкостью – длинные тёмные волокна приходилось тщательно разжёвывать.

Да и по хер! Еда – есть еда. И пока жив, получай от неё удовольствие, Немой!

Князь Всеволод без сил лежал на траве. Да, в его возрасте такие ратные подвиги легко не даются! Пожалуй, и вправду – пора ему жениться и жить спокойно.

Чулав хмуро стругал какую-то палку.

Только Джанибек бродил по месту боя, собирая растерянные стрелы. В очередной раз наткаясь на сломанное или перекушенное древко, он качал головой и негромко ругался:

– Шайтан!

Хазарский шаманёнок пристроился напротив меня и тоже жевал мясо, быстро разгрызая его мелкими острыми зубами.

– Вкусно? – спросил я его.

Он мгновенно напрягся, недоверчиво глядя на меня. Но тут же кивнул.

– Очень! Мы с собой в поход припасы не берём.

– А что жрёте?

– У настоящего воина всегда много добычи.

– А у тебя, гляжу, только бубен, – не удержался я.

Пацан покраснел.

– Я шаман, а не воин.

– Боишься меня? – снова спросил я, внимательно глядя на него.

В его крупных чёрных глазах мгновенно мелькнул ужас, но шаманёнок тут же гордо мотнул головой.

– Сын хана никого не боится!
Опа! Всё интереснее и интереснее!
– Ты – сын хазарского хана?

– Да, – кивнул пацан.

Потом поник и добавил:

– Младший. От четвёртой жены.

Я улыбнулся Всеволоду.

– Гляди, княже! Будущего родственника тебе поймали!

Всеволод, что-то прикидывая, смотрел на пацана.

– Что же твой папаша тебя к нам в леса загнал? – спросил я шаманёнка. – Получше места для наследника не нашёл?

– Я не наследник, – грустно сказал пацан. – Все младшие сыновья хана должны стать или воинами, или шаманами. У меня есть Дар Тенгри, поэтому я пошёл в шаманы.

Он доел мясо и потянулся за вторым куском. Но взглянул на меня и отдёргнул руку.

– Ешь, – кивнул я. – Мы тоже настоящие воины, и у нас много добычи.

Парень взял второй кусок мяса. По впалым щекам было видно, что он давно живёт впроголодь.

Наконец, пацан наелся. Вытер жирные руки о край своего пёстрого плаща, встал и поклонился мне.

– Спасибо, что накормил перед смертью. Я готов!

– К чему? – охренел я.

– Ты будешь допрашивать меня, но я ничего больше тебе не скажу, – объяснил он. – И тогда ты меня убьёшь, как убил Булана и Ибузира. Я впервые вижу такого могущественного оборотня, как ты.

Тут шаманёнок снова почтительно поклонился.

– Наверное, тебя создал очень могучий шаман. Такой, как Ба...

Тут он запнулся и прикусил язык. Бросил на меня быстрый взгляд и закончил свою речь:

– Прошу, сообщи моему отцу, что я умер как настоящий сын хана!

С этими словами пацан крепко зажмурился.

Я только головой покачал. А потом решил подшутить над парнем.

– Скажи своё имя, чтобы я знал, о ком сообщить твоему отцу.

– Меня зовут Айсак, – еле слышно выдохнул шаманёнок.

Я лениво закинул руки за голову, ощущая приятную тяжесть в животе после еды.

– Так вот, Айсак, мне не нужно тебя допрашивать и убивать. Я ещё могущественнее, чем ты думаешь. И читаю все твои мысли, словно раскрытую книгу.

Хер его знает, откуда я вытащил это выражение, но оно офигенно подошло к ситуации.

Рот пацана открылся, глаза испуганно распахнулись.

– Правда что ли, Немой? – заинтересовался князь Всеволод.

Он даже с травы привстал.

– Конечно, правда, – сурово кивнув, подтвердил я.

– Слушай, так тебя надо к врагам шпионом засылать! – воодушевился князь. – Ты – раз! – и все их мысли узнаешь!

– Княже, давай это после обсудим, – устало вздохнул я и повернулся к Айсаку.

– Итак! – торжественным голосом сказал я.

Айсак и Всеволод слушали очень внимательно. Даже Чупав приподнял голову.

– Твой отец хотел отомстить князю Всеволоду за разгром хазарского отряда. Но посылать войско не стал – побоялся нового разгрома. И тогда отправил шаманов – чтобы они подчинили себе зверей и превратили в зверей окрестных жителей. Но мы убили двух твоих приятелей-шаманов, а тебя поймали.

Я перевёл дыхание и повысил голос:

– И четвертого поймал – того, который самый сильный. Как, ты сказал, его зовут? Только не ври – я и так всё знаю. Если соврёшь – прокляну и утащу твою душу под землю. Даже сам Тенгри её там не найдёт. Говори!

– Барджиль, – опустив голову, выдавил пацан.

Глава 7: В Старгород

Отдохнув, мы подумали и решили, что три уставшие лошади на пять человек – это мало, чтобы с комфортом добраться до Старгорода. А если ещё и Мыша посчитать? Сам-то он невелик. Но вот мудрость в его ушастой башке потянет не меньше, чем на тонну!

Можно было вернуться в Боровую и купить новых коней. Но это шлёпать пешком не меньше двух дней в обратную сторону.

Да и что за кони в деревне? Понурые работяги с грустными глазами и разбитыми в хлам копытами. На них только пахать и сено возить. Ходить под седлом они не приучены. Ну, и оставлять деревню без лошадей – тоже не дело.

Поэтому мы посадили на коней князя Всеволода и Джанибека. Заодно навязали им шаманёнка Айсака, которого князь с любопытством расспрашивал о сестре.

Когда Айсак узнал, что я скоро собираюсь в гости к хазарам, он обрадовался и загрустил одновременно.

– Возьмёшь меня с собой? – спросил он.

Я пожал плечами.

– Запросто. Выкуп за тебя всё равно не дадут. А отцу радость. Да и ты, наверное, хочешь домой.

– Хочу, – кивнул Айсак. – Повидаю родные степи перед смертью.

Бля! Да что опять-то?!

– Для хазарина попасть в плен – это страшный позор, – объяснил Айсак. – Как только я вернусь в стойбище – меня сразу казнят. Хорошо, если отрубят голову. А могут и лошадьми разорвать на части.

– Охренеть! И что, никто из хазар не оставался в живых после плена?

Айсак задумался.

– У нас есть легенда о богатыре Тарсане. Много лет назад он отправился в поход против диких жителей гор. Несколько дней он преследовал отступающего противника. Хитрые горцы заманили отряд Тарсана в узкое ущелье и забросали огромными камнями. Все воины погибли, а самого Тарсана горцы взяли в плен. У него были сломаны все кости, и он не мог сопротивляться.

Через два месяца Тарсан выздоровел, то ночью он голыми руками перебил двадцать горцев и убежал. Когда он вернулся в родное стойбище, хан не казнил его, а повелел сложить двадцать песен о подвиге Тарсана.

Айсак рассказывал эту историю взахлёб. Чёрные глаза так и горели на его худом лице.

– Ну, вот видишь, – сказал я. – Всего-то двадцать человек. А мы скажем, что ты убил сорок, прежде чем тебя смогли поймать. Да хоть сто! Жалко, что ли?

– Правда?

Глаза Айсака блеснули надеждой.

– Легко! – кивнул я. – А пока поезжай с князем Всеволодом в Старгород. Отдохнёшь, одежду поменяешь. Скажем, что это твоя добыча.

– Спасибо, Немой – обрадовался Айсак. – Ты – настоящий князь!

– А то! – гордо ответил я.

– А как вы доберётесь до города? – спросил шаманёнок.

– Увидишь, – пообещал я.

К обеду следующего дня мы добрались до речки Змеюки.

Неширокая река лениво петляла между высоких, поросших лесом берегов. Пожелтевшие кусты орешника свешивались к тёмной воде. В зарослях тростника и рогоза крякали отъевшиеся, готовые к отлёту утки.

Двух жирных уток Джанибек сбил стрелами. Одна упала на берег, а вторая неудачно шлёпнулась в холодную воду.

Айсак сбросил плащ и прыгнул за уткой. Закрутился на месте, размахивая руками и пуская пузыри.

– Помогите! Тону!

Чупав вытащил обалдевшего шаманёнка на берег, а я сплавал за уткой. Заодно выловил плававшую неподалёку стрелу.

– Спасибо, Немой! – сказал Джанибек.

Он быстро развёл костёр. Мы развесили одежду вокруг огня, а сами приплясывали рядом, ритмично постукивая зубами от холода.

– На кой чёрт ты в речку полез, если плавать не умеешь? – отчитывал я Айсака.

– Добыча не должна пропадать, – дрожа худым телом, ответил он. – А почему у вас речки такие глубокие? У нас в степи речки мелкие, по колено. Дно видно.

Уток мы выпотрошили, прямо вместе с перьями обмазали жирной глиной и закопали в горячую золу.

Примерно через час выкопали. Разбили окаменевшую от жара глиняную корку и сняли её вместе с прилипшими перьями. Под коркой оказалось розовое, истекающее желтоватым прозрачным жиром утиное мясо.

Ещё через полчаса я облизал жирные пальцы, счастливо вздохнул и нехотя поднялся с травы. Пора было строить плот.

Ну, а что? Да, мы решили доплыть до Старгорода на плоту. Речка Змеюка впадала в реку Ловать, а та текла напрямик в озеро Ильмень. А уж оттуда до Старгорода рукой подать.

– Пойдём за брёвнами, Чупав, – сказал я кузнецу.

Чупав обстоятельно обгрыз утиную косточку и молча поднялся.

Вдвоём мы свалили несколько сосен, толщиной с человеческую ногу. Очистили их от веток и разрубили на четырёхметровые брёвна. Можно было сделать плот и длиннее, но я опасался, что он будет застревать в крутых изгибах лесной реки.

Мы перетаскали брёвна к реке и скатили их с высокого берега. Брёвна с брызгами плюхнулись в воду.

Джанибек и Айсак ловили расплывающиеся брёвна.

Мы с Чупавом опять отправились в лес и вырубили три черёмуховые поперечины для плота. Кроме того, нарубили жердей для палубы, чтобы не сидеть в воде и кучу елового лапника. Это, чтобы жопе было мягче на твёрдых жердях.

Брёвна собрали в плот и туго притянули верёвкой к поперечинам. Поверх поперечин уложили жерди палубы и тоже привязали.

Я прищемил жердью палец и засунул его в рот, чтобы унять пульсирующую боль.

К тому времени, как мы закончили возиться с плотом, уже стемнело.

Ну, и хер ли делать? Придётся ночевать на берегу Змеюки. Не плыть же ночью вслепую по незнакомой реке.

Да и спешки особой, вроде, не было.

Я лежал у костра на колючем лапнике, глядел в темноту над вспыхивающими языками жаркого пламени и пил травяной чай из берестяной кружки, которую соорудил Чупав. Он снял с толстой берёзы большой пласт коры, согнул его в коробочку, а углы закрепил расщеплёнными сучками. Получилась симпатичная четырёхугольная миска – хоть ешь из неё, хоть чай пей.

Айсак рассказывал о своей жизни в стойбище хазарского хана. В его чёрных глазах крохотными точками сверкали отражения костра.

– У моего отца самая лучшая юрта. Из верблюжьего войлока. Тёплая! В юрте всегда горит огонь из самого лучшего навоза, высушенного на солнце. Отец и его четыре жены едят самую жирную конину. Иногда и детям достаётся. Только не каждый день.

Тут Айсак печально вздохнул.

Охеренный отец ему достался! Сам мясо жрёт, а детей голодом морит!

– А много у хана детей? – спросил я.

Айсак принялся считать, загибая пальцы на грязных ладошках.

– Восемь... нет, девять сыновей. И шесть дочек. И ещё маленький Тумран. Значит, десять сыновей.

Ну да! Такую ораву прокормить – не каждое ханство выдержит.

Айсак продолжал вспоминать.

– Утром выйдешь из юрты – а вокруг степь без конца и края. Небо над степью синее. А в степи – красные маки. И ещё ящерицы. Шустрые, бегают быстро. Но вкусные. И черепахи. Они маленькие, но тоже вкусные.

Ну и жратва у них в степи!

Я резко расхотел ехать в гости к хазарам.

– Расскажи про твою сестру, – попросил князь Всеволод.

– Про которую? У меня их шесть, – напомнил Айсак.

– Ну... – князь Всеволод растерялся, – про эту...

Он показал руками большие глаза и начал привычно показывать размер сисек, но я толкнул его локтем.

Охерел что ли, пацана портить?!

– Расскажи про сестру, которая приходила недавно на нашу землю с отрядом хазар, – перевёл я Айсаку мучения князя.

– А, это Серах! Она ух какая!

Глаза шаманёнка снова восторженно загорелись.

– Серах! – повторил князь Всеволод, закатив глаза к ночному небу.

Ипать, слезили его, что ли?

– Серах – настоящий воин! – продолжал Айсак. – Как она на коне скачет! Никто не утонится! А саблей может на скаку волка пополам разрубить! У нас в степи, знаешь, какие волки?! Поменьше ваших, но зато злющие!

Я проснулся от холода. Утро выдалось зябким, туманным. От дыхания в воздухе клубился белый пар. Но небо было ясным и обещало хороший день без дождя.

Джанибек уже седлал коней.

– Ну, что князь? – спросил меня Чупав. – Сам попробуешь, или я?

– Сам, – кивнул я. – Надо же тренироваться.

– Ну, давай! А я пока мешки соберу.

Скользя подошвами сапог по осыпающемуся песку, я спустился к реке. Она неторопливо текла, едва шевеля отмирающие широкие листья кувшинок. Большая рыба золотистой молнией сверкнула у самой поверхности и ушла в тёмную глубину.

Я опустил на корточки и хлопнул ладонью по воде. В тёмной толще возникла огромная жаба морда.

– Здорово, Немой! – пробулькала морда. – Свежей рыбы хочешь?

– Привет, Хлюпень! Слушай, дело есть! Мы сейчас на реке Змеюке. Помнишь, где вы хазар разбили?

– Помню, – квакнул Хлюпень. – У меня спина до сих пор чешется – семь стрел засадили, гады!

– Так ты попроси мазь у Потапыча. Сразу полегчает!

– Не надо, – махнул рукой Хлюпень. – Я лягушек прикладываю. Как приложу – так мне и легче. А ты чего хотел-то, Немой? Просто поболтать, или дело есть?

– Да. Слушай, Хлюпень! Пришли сюда пару водяников, пободрее, а! Нам в Старгород срочно надо, а с лошадьми беда. Мы тут плот построили, но своим ходом неделю добираться будем. Может, водяники нас того... подтолкнут?

– Неделю! – передразнил меня Хлюпень. – Да на таком плоту вы до ледостава бултыхаться будете!

Он насмешливо выпучил глаза. Ну, жаба и жаба!

– Так и вмёрзнете в лёд посреди Ильмень-озера. Отколупывай вас потом! Ладно, сейчас пришло. Только, Немой! Упряжь им покрепче сделай. Они у меня парни молодые, резвые. Рванут сгоряча – и потеряют вас. Потом не досвищешься!

Минут через пять посреди реки с шумом вынырнули водяники. Да не двое, а четверо!

– Здравствуй, князь! – наперебой заквакали они.

– Не до хрена ли вас? – засомневался я. – Перевернёте плот на хрен.

– Не переживай, князь! Мы меняться будем. На перекладных домчим без отдыха! А в Ильмень-озере тамошние водяники помогут!

Сверху, с берега послышался отчаянный крик. Это орал Айсак.

– Лупоглазы! Спасайся, Немой! Они людей заживо жрут!

– Никого мы не жрём! – возмутились водяники.

– Чего ты орёшь? – укоризненно сказал я Айсаку. – Это мои подданные.

Он вылупился на меня.

– Серах рассказывала, что такие чудовища сожрали половину их отряда! Их стрелы не берут!

Водяники засмутились.

– Так это того... война. А так-то мы никого не трогаем.

– Иди сюда! – махнул я Айсаку. – Познакомишься!

Айсак открыл рот.

– Так ты у них главный? Князь?

– Ну да, – скромно кивнул я.

Айсак кубарем скатился вниз по берегу.

– Немой, а можно я с вами поеду?! Я никогда на такой штуке не плавал! А на лошадях мне остописдило уже!

– Надоело, – поправил я его.

– Да? А я слышал, как князь Всеволод говорил Джанибеку...

– Князь Всеволод ещё и не такое сказать может, – строго нахмурился я.

Ладно! В самом деле, возьму мальчишку с собой. А то Всеволод его расспросами про эту Серах достанет. Ещё сбежит пацан, чего доброго!

– Грузимся, Чупав! – сказал я.

Мы покидали на плот мешки и уселись сами.

Водяники вытолкали нас на середину реки. Один впрягся в верёвочную сбрую впереди плота. Второй толкал сзади.

Вода вокруг брёвен забурилась, и плот понёсся вниз по течению.

– Давай, налегай! – весело кричали свободные водяники, плавая и ныряя вокруг плота.

Князь Всеволод и Джанибек махнули нам с берега рукой и запрыгнули в сёдла.

Глава 8: Охота на шамана

Речка Змеюка полностью оправдывала своё название. Сначала она лениво извивалась между лесных берегов, блестя на солнце чешуёй ветреной ряби. Потом потекла быстрее, зажурчала, забила между огромных камней. Словно клочья старой змеиной шкуры по её поверхности плыли клочья грязной пены, ветки и бурые размокшие листья.

Водяники выбивались из сил, проталкивая плот между чёрными, вылизанными водой валунами. Наконец впереди показался мелкий перекат. Стремительно бегущая вода едва покрывала камни, которыми было усеяно дно реки.

Пришлось нам слезать с плота и помогать водяникам его толкать, бредя по колено в ледяной воде. Брёвна со скрипом тёрлись о камни, оставляя на них обрывки свежей размокшей коры. Белая древесина блестела на солнце и была скользкой, словно её намылили.

Мы уже почти вытолкали плот на глубину, когда Чупав охнул, присел и схватился за ногу.

– Что случилось? – крикнул я Чупаву, пытаясь перекрыть шум воды.

– Ногу подвернул, – сквозь стиснутые зубы ответил кузнец.

Мы с водяниками в последний раз налегли на брёвна. Плот с противным скрипом съехал по песку и закачался на чистой воде.

Я протянул Айсаку верёвку.

– Смотри, не упусти! А то придётся водяникам по всей реке плот ловить.

А сам помог Чупаву добраться до плота.

Кузнец растянулся на лапнике и сердито замолчал. Он злился на себя за свою невнимательность.

Я примирительно хлопнул Чупава по плечу.

– Всякое бывает! Брось ты дуться.

– Больше перекатов не будет! – весело крикнул нам один из водяников. – Теперь с ветерком помчим!

– Ну, вот видишь! – сказал я Чупаву. – Пока до Старгорода доберёмся – твоя нога уже заживёт.

Чупав ещё какое-то время хмурился, но потом не выдержал и улыбнулся.

– Другое дело! – одобрил я перемену в его настроении.

– Хорошая река! – полчаса спустя сказал Чупав, оглядывая крутые берега, заросшие высокими сосновыми борами.

– Здесь бы в болотах железо поискать! Да и поставить на берегу плавильную печь и кузницу. К молоту водяное колесо приспособить, чтобы не руками надрываться.

– А в чём проблема? – спросил я кузнеца. – Собирай своих, и переселяйтесь. Деревню постройте. Будет целая деревня одной нечисти! А может, и люди к вам подтянутся.

– А у вас много нечисти, Немой? – спросил Айсак, опустив руку в воду.

Он то барабанил пальцами по поверхности, то загребал ладонью, то норовил поймать торопливо скользящую водомерку. Видно было, что близость реки доставляет парню удовольствие.

– Нечисти у нас видимо-невидимо, – ответил я. – Всех видов и мастей. Лешие, болотники, перекидыши. Банники с домовыми. Кого только нет! Доберёмся до Старгорода – познакомишься. А у вас в степи нечисть водится?

– У нас духи, – пожав худыми плечами, сказал Айсак. – Есть песчаные духи. Они бросают в глаза песок. Путник слепнет и не может найти дорогу к стойбищу. Есть духи ветра – когда они злятся, то могут сорвать с места юрту вместе с людьми и унести её в подземное царство. А ещё есть духи мёртвых. Они бродят по ночам и страшно воют.

Айсак поёжился.

– Ты же шаман, – подбодрил я его. – Значит, с духами разговариваешь.

– Пока нет. Я только учусь ещё. Как выучусь – буду проходить испытание Тенгри. Если пройду – стану шаманом.

– А что за испытание? – заинтересовался я.

– Перед испытанием молодой шаман должен неделю ничего не есть и не пить. Так проверяется стойкость духа. Потом старшие шаманы зажигают большой костёр, а молодой шаман пляшет вокруг него и бьёт в бубен, пока его тело не упадёт замертво от усталости. Тогда душа шамана поднимается на небо, где её ждёт Тенгри. Он и решает – отпустить шамана обратно, или убить его.

– Если неделю не жрать и не пить – можно и без Тенгри копыта откинуть, – рассудил я.

– Скажи, Немой, – неожиданно спросил Мыш, – а почему ты важные разговоры непременно сводишь к шутке?

– А хер его знает, – честно ответил я. – Может, потому, что так проще понимать?

– Хороший способ, – одобрил моё поведение ушастый философ и снова умолк.

Он сидел на самом носу плота, уставившись на бегущую воду. Медитировал, что ли?

– А что могут ваши шаманы? – спросил я Айсака. – В чём их сила?

– Много чего, – ответил он. – Даже слабый шаман может разговаривать со зверями и птицами. И даже ненадолго вселять в них свой дух. Например, надо шаману увидеть, что происходит далеко-далеко. Он вселяет свой дух в орла и видит всё, что видит орёл.

– Удобно, – одобрил я. – А тело в это время что делает?

– А тело лежит возле костра, и его охраняют друзья шамана.

– А вот это не очень удобно. Ну, а сильный шаман что может?

– Ого!

Глаза Айсака снова загорелись.

– Сильный шаман может вселить в человека дух зверя. И наоборот!

– Как с тем медведем? – невзначай уточнил я.

– Ну да, – закивал Айсак и спохватился. – С каким медведем?

– Брось прикидываться, – улыбнулся я. – Я знаю, что вы заколдовали человека и превратили его в перекидыша.

Глаза Айсака пугливо стрельнули в сторону.

– И этого вашего Барджиля я один хер поймаю. И жопу ему надеру, чтобы не пакостил.

Айсак опустил голову и замолчал. Чупав беззаботно похрапывал, растянувшись на еловых ветках. Мыш неподвижно сидел на носу плота и не обращал на нас никакого внимания.

– Немой!

Один из водяников с шумным всплеском вынырнул возле плота.

Бля! Напугал, чёрт бородавчатый!

– Немой, тут рыбы полно! Голавли – вот такие!

Водяник развёл в стороны длинные перепончатые лапы.

– А раки на дне так и кишат! Наловить?

Раки?

Вдруг остро кольнула память. В ней всплыла почти забытая картина: бар у ворот военной базы, светлое пиво в больших стеклянных кружках. Весело хохочущие парни, алчно улыбающиеся девицы в обтягивающих коротких платьях. И варёные раки на синей пластиковой тарелке. Полкредита за порцию.

Картинка промелькнула и исчезла. Осталось только воспоминание о вкусе и еле уловимое сожаление.

– Раки? – переспросил я. – А налови! Вечером сварим на костре!

Водяник бесшумно провалился под воду.

А я перевёл взгляд на медленно уплывающий берег, пытаюсь вспомнить ещё что-нибудь из прошлой жизни.

– Немой! – спросил Айсак. – Можно я бубен возьму? Мне каждый день заниматься надо. Иначе не смогу стать шаманом.

Я подумал и кивнул.

– Давай! Только не очень громко. Вполсилы можешь?

– Конечно! – обрадовался Айсак и достал бубен.

Он легонько пробежался длинными пальцами вдоль деревянного обода. Потом пальцы запрыгали по туго натянутой шкуре, выстукивая сложный и быстрый ритм. Одна дробь сменяла другую. Временами они повторялись, образуя чужой, но чёткий рисунок.

Чупав заворочался на лапнике и перевернулся на другой бок. Мыш оставался неподвижен. Айсак закрыл глаза и целиком отдался музыке.

Я глядел на бегущие мимо разноцветные кусты, на то, как колышется в речной воде их отражение, когда волна от плота достигает берега. И вдруг отчётливо увидел возле воды высокого человека в длинном разноцветном плаще. Человек злобно посмотрел на меня, накиннул на голову капюшон и исчез в зарослях.

Бля! Так это же дружище Барджиль! Он что, гонится за нами, что ли? Ни хера себе, у него скорость!

Из воды шумно вынырнул водяник и высыпал на плот целую охапку шевелящихся хвостатых раков.

Слава богам, у меня хватило ума не подпрыгнуть и не заорать. Берега уплывали вдаль, Чупав спал, Айсак без усталости колотил в бубен.

А я сидел и думал, что делать.

К вечеру у меня созрел охеренный план.

Ещё не начинало темнеть, когда я скомандовал водяникам причаливать к берегу.

– На хера? – удивился Чупав.

– Раков сварим, – объяснил я. – Пожрём по-человечески. Не пропадать же добру. Переночуем, а утром снова двинемся.

Чупав почесал в затылке и окинул взглядом гору раков, которых я заипался сгонять к середине плота. Неугомонные твари так и норовили расплзтись.

– Так-то дело хорошее.

Мы выгрузились на живописной песчаной косе, намытой быстрым течением. Я помог Чупаву сойти на берег и удобно устроил его на сухом бревне, которое принесло водой.

– Посиди пока!

Сам набрал дров и развёл огонь. Надо огнём повесил походный котёл. Когда вода в котле забулькала, я круто посолил её и вывалил в котел раков.

Раки от возмущения немедленно покраснели.

Я помешал палкой в котле и понюхал.

Вкуснотища, бля!

Когда раки сварились, я остудил их в холодной воде. А потом мы наперебой принялись расковыривать клешни и хвосты, добывая из них плотное белое мясо.

Эх, пива бы!

Я достал из-за пазухи серебряную фляжку и потряхнул её возле уха.

Пусто.

Скоро на песке возникла целая гора обгрызенных и обсосанных панцирей, клешней и хвостов.

– Умеешь ты получать от жизни удовольствие, Немой! – одобрительно сказал Мыш и икнул.

– Ну, так и вы не стесняйтесь! – улыбнулся я. – Жизнь для того и есть.

Наевшийся Чупав хмуро разглядывал свою опухшую лодыжку.

– И как меня так угораздило? – недовольно ворчал он.

– Брось! – сказал я ему. – Доберёмся до Старгорода, там Гиппократ Поликарпыч тебя живо вылечит.

– Мази бы, – сокрушённо сказал Чупав. – Так она у Джанибека в мешке. И почему мы с собой немного не отложили?

– Ну, всего не предусмотреть, – пожал я плечами.

Айсак снова потянулся за бубном.

– Давай-давай! – кивнул я ему. – Не теряй времени. Нам хорошие шаманы нужны.

Пацан польщённо улыбнулся и забарабанил по туго натянутой коже.

План работал.

Я потянулся и лениво поднялся с бревна.

– Пойду, огляжусь. Да дров ещё наберу, чтобы на ночь хватило.

– Далеко не отходи, Немой! – забеспокоился Чупав.

– Я тут, рядом, – улыбнулся я.

Отошёл за желтеющий куст орешника, оглянулся. Похоже, от костра меня не видно.

Давай, Немой! Перекидываемся!

В голове привычно-звонко щёлкнуло.

Я опустил на четыре лапы и ловко вскарабкался по обрыву наверх. Сейчас поглядим, где прячется этот Барджиль!

След шамана нашёлся почти сразу. Он, действительно, с самого начала шёл за нами вдоль берега. Вот неутомимый засранец!

Вот и хорошо! Не хотелось мне оставлять этого шамана гулять на свободе. Кто его знает – каких дел он успеет натворить, пока у нас дойдут до него руки?

Я неторопливо бежал вдоль следа, иногда поднимая голову, чтобы понюхать ветер и определить – не прячется ли Барджиль где-то поблизости.

К человеческому запаху примешивался другой слабый аромат.

Вдалеке я слышал ритмичное гудение бубна Айсака.

След пересёк небольшое высохшее болотце и скрылся в зарослях можжевельника.

Незнакомый аромат усилился. И вдруг плеснул в ноздри с такой силой, что голова закружилась. Упоительный запах затуманил сознание, я перестал соображать, кто я и где нахожусь.

Хлестнув себя хвостом по бокам, я помчался к источнику запаха. Но сверху вдруг упала крепкая верёвочная сеть. Я кубарем покатился по земле, пытаюсь разорвать сеть когтями, и только надёжнее запутался.

А потом что-то сильно ударило меня по голове, и я вырубился на хер!

Глава 9: Забывчивый кот

Я очнулся от того, что меня мерно раскачивало. Голова кружилась. Желудок подступил к горлу и застрял в нём противным комком, мешая дышать. Лапы нестерпимо болели.

Я с трудом приоткрыл глаза и увидел перед собой землю. Земля раскачивалась и медленно уходила куда-то назад. Это монотонное движение вызвало приступ тошноты. Желудок судорожно сжался. В пасти скопилась горькая слюна.

Я закрыл глаза и попытался просто дышать. Через некоторое время тошнота прошла.

Я снова открыл глаза, выгнул шею и попытался посмотреть вверх. Туда, где по моим ощущениям находились лапы.

Там они и были, все четыре. Их крепко связали верёвками и пропустили под верёвкой длинную жердь. На этой жерди меня несли вниз головой. А земля раскачивалась в такт шагам.

– Дядя Барджиль! Он очнулся! Князь нечисти очнулся!

Весёлый звонкий голос неприятно резанул по ушам. Я прижал их и инстинктивно зарычал. Точнее, попытался зарычать, но из пересохшей глотки вырвался только жалкий хрип.

Меня опустили спиной на землю и положили набок. Не бросили, осторожно опустили. Уже хорошо. С палкой между связанных лап я бы не смог извернуться и наверняка сломал себе позвоночник.

Надо мной наклонилось плоское, словно блин, лицо с чёрными густыми бровями и щёлками внимательных глаз.

– Очнулся, Немой? Как самочувствие?

Я понял только, что это человек. А человек – это опасность. Не знаю, откуда это взялось в моей памяти. Шерсть на загривке сама собой встала дыбом. Я оскалил зубы и зашипел.

Полосну, блядь!

– Дядя Барджиль, он тебя понимает?

Снова этот невыносимый звонкий голос! Ещё один человек?

Я попытался уловить его запах, но не смог. Ноздри были забиты какой-то дымной вонью, противной и приторной.

– Не знаю, Айсак! Князь нечисти должен быть хитрым – он может и притворяться. Но мы не будем рисковать.

Плоское лицо исчезло. Послышались короткие удары камня обо что-то твёрдое. Потом потянуло дымом.

Коричневая сухая рука поднесла к моему носу пучок горячей травы. Именно от неё шёл тот мерзкий запах, который забил мне ноздри, мешая думать.

Я сморщился и чихнул, но рука продолжала совать горящую траву мне в морду. Поневоле пришлось вдохнуть дым. Сознание стало уплывать.

Последнее, что я услышал, было:

– Запомни эту траву, Айсак! Малый белоцвет. Есть ещё большой, но тот не годится...

И снова долгое-долгое мерное покачивание. Сквозь муторное забытьё я почувствовал, как меня снова положили на землю и сняли с лап верёвку. Лапы заболели так сильно, что я чуть не завыл в голос. Попытался подняться, но смог только дёрнуть головой. И сразу же ощутил на шее петлю.

– Какие у него огромные когти! – с удивлением сказал звонкий голос. – Он не полоснёт ими лошадь?

– Ничего, – ответил второй. – Я заматаю его в лошадиную шкуру. Сбросить её он не догадается, пока действует белоцвет. Сейчас он не оборотень, а просто большой кот. Так безопаснее.

- А можно, я дам ему воды? И покормлю?
- Пока не надо. Сначала он должен присмиреть.
- А как мы его повезём?
- Завернём в шкуру и привяжем к лошади. Так он не вырвется.
- Как думаешь, дядя Барджиль – отец простит нас, если мы привезём ему князя нечисти?
- Простит. Куда он денется? Мы с тобой станем лучшими друзьями хана, Айсак!

В голосе того, кого называли Барджилем, мне послышалось что-то хищное. Я хорошо чувствовал эти интонации. Да и сам умел их издавать. Если бы только проклятое горло не скребло наждаком!

За глоток воды я, не задумываясь, готов был убить. Но сил совсем не осталось.

Меня снова окурили вонючей травой и завернули в мерзко пахнущую шкуру.

Мозг впал в привычное забытьё. Перед глазами медленно плыли бессмысленные цветные картинки. Земля опять раскачивалась. Но в этот раз она убегала назад ощутимо быстрее.

Лошадь. Они что-то говорили про лошадь.

В голове сразу же всплыло изображение высокого животного с сильными ногами. Такое ударит копытом – сразу размозжит череп.

Мысль уплывала. Я попытался зацепиться за неё, но не смог.

В этот раз я очнулся от того, что на воспалённый язык потекла струйка холодной воды. Я жадно проглотил её. Вода пролилась в горло, даже не намочив его. Я хотел взвыть от боли и отчаяния, но не смог.

Вода снова полилась в мою беспомощно раскрытую пасть.

– Пей, Немой! – услышал я тихий шёпот. – Пей, пока дядя Барджиль спит.

Айсак сидел надо мной на корточках и выжимал мне в пасть мокрую тряпку. Я судорожно глотал воду, она лилась сквозь клыки и капала на землю. Мне было невыносимо жаль этих драгоценных капель.

Выжав тряпку досуха, Айсак сбегал куда-то и снова намочил её. И опять сидел рядом на корточках и осторожно выжимал воду мне в рот.

– Прости, Немой! Но я не мог сделать по-другому! Хазары – мой народ, а ты – мой враг. Я должен был вернуться домой с победой. Но ты не убил меня. Ты дал мне еды и спас, когда я тонул в реке. За это я буду тебя поить и кормить. И попрошу хана оставить тебе жизнь.

Слова звучали бессмысленно, словно ветер, который шуршал в траве. Они значили для меня куда меньше, чем капли воды, падавшие на язык.

Наконец, я напился.

Вокруг была ночь. Чернильная темнота пролилась на землю. Холодный ночной ветер шуршал сухой травой. Высоко в небе горели яркие-яркие звёзды.

– Я бы дал тебе еды, – сказал Айсак, – но дядя Барджиль заметит.

Пацан огорчённо шмыгнул носом.

– Когда дядя Барджиль в следующий раз подойдёт к тебе – лизни ему руку. И тогда он тебя покормит. Ладно? Тебе же не трудно, Немой?

Щас, бля!

Я закрыл глаза и сделал вид, что сплю.

Пацан ещё посидел рядом, снова шмыгнул носом и ушёл.

Смутные воспоминания медленно-медленно ворочались в моей голове.

Над самым ухом послышался шорох. Я быстро открыл глаза. Возле моего носа сидела мышь.

Жирная и наверняка очень вкусная мышь! В желудке у меня заурчало от голода.

Вытянув шею, я молниеносно щёлкнул зубами. Но мышь оказалась проворнее. Она отскочила в сторону и обиженно сказала:

– Совсем охренел, Немой?

Блядь, и эта туда же! Мышь, а тоже дразнится!

Я зарычал и оскалился, чтобы хоть напугать дерзкую тварь.

Мышь абсолютно не испугалась. Она уселась на траву и огорчённо покачала ушастой головой.

– Немой, ты вообще ничего не помнишь? Ну, давай, вспоминай! Я – Мыш.

Мышь так и произнесла это слово – с большой буквы, как имя.

– А ты – князь Добрыня Немой. Князь нечисти.

Мне некогда было размышлять над тем, что плетёт наглая мышь. Я был слишком занят – пытался освободить хотя бы одну лапу. Когда это не получилось, я снова щёлкнул с досады зубами.

– Совсем плохо дело, – печально заключила мышь.

Потом она легла передо мной на траву и принялась думать. Я тоже лежал и думал.

Не знаю, о чём размышляла мышь. А я пытался придумать способ её схватить. Но так ничего и не придумал.

Наконец, мышь поднялась с травы. Почесала лапой в своём мышинном затылке и сказала:

– Скоро рассветёт. Барджиль проснётся. Придётся пробовать последнее средство. Если и это не поможет – тогда я ни хера не знаю, что делать.

С этими словами она разбежалась и прыгнула прямо на меня.

Даже через шкуру, в которую меня завернули, я чувствовал, как эта гадина бежит по мне. Мышь снова туда-сюда, а я только беспомощно бесился от злости.

Охереть! Вообще котов не уважают! Хотя, за кой хер меня уважать? Лежу тут связанный, словно копчёное мясо. Надо же было так по-идиотски попасться! Дурак ты, Немой, правильно Сытин всегда говорил!

Сытин?

Кто это?

Злость словно вышибала из ноздрей остатки противного сладкого дыма, возвращая голове давно забытую ясность.

В памяти немедленно всплыл невысокий человек с насмешливым и твёрдым взглядом и щетинистым подбородком. Он был обут в высокие кожаные ботфорты. На боку висела шпага.

Человек покачал головой и весело сказал:

– Дурак ты, Немой! Послушай Мыша.

Да с какого хера я должен слушать какую-то мышь, которая бежит по мне, как чокнутая?! Чего ей вообще от меня надо?!

Мышь прыгнула в траву перед моим носом и торопливо сказала:

– Я подгрыз верёвки. Если перекинешься – они лопнут. Постарайся перекинуться, Немой! Очень тебя прошу!

С этими словами мышь укусила меня прямо в кончик носа!

А-а-а, блядь!!!

Как больно-то!

Я подпрыгнул от боли. В голове звонко щёлкнуло.

Остатки верёвок лопнули.

Я приземлился на четвереньки и заорал от боли, но тут же вскочил и сбросил с себя вонючую лошадиную шкуру.

Сквозь рассветный сумрак ко мне бежал высокий человек. Он растопырил длинные руки, словно собирался меня поймать.

Барджиль!

Ты охерел, что ли?!

Я увернулся от Барджиля, одним движением выхватил из-за спины меч и плашмя огрел его по голове. Шаман рухнул лицом в мокрую от росы траву.

Раздался испуганный крик. Неясная тень метнулась прочь от потухшего костра.

Но я в два прыжка догнал её и сбил с ног. Ухватил за шкурку и одной рукой потащил обратно к костру, в другой сжимая меч.

Нос невыносимо болел и распух.

Мыш, бля! Ну, какого хера так больно кусаться?!

Я подтащил Айсака к костру и швырнул на землю.

– Верёвка есть?

Айсак молча закивал. Говорить он не мог, зубы пацана громко стучали от страха.

– Доставай!

Он, не вставая, порылся в мешке. Достал свёрнутую верёвку и протянул мне.

Я снова схватил шаманёнка за шиворот. Подтащил к неподвижно лежащему Барджилю.

– Вяжи его! Руки ему вяжи и ноги!

Айсак принялся быстро связывать шамана.

– Сильнее затягивай! Изо всех сил!

Он молча пытался, трясаясь всем телом.

Когда Айсак связал шамана, я отобрал у него остатки верёвки. Убрал меч. Заставил Айсака заложить руки за спину и хорошенько связал. Потом спутал верёвкой ноги. Помог опуститься на землю возле костра.

– Сиди здесь!

Снова вернулся к Барджилю и проверил, как Айсак его связал. Верёвка на ногах показалась мне слабоватой, и я её подтянул. Подумал, оторвал от плаща шамана лоскут и засунул ему в рот.

Хер их знает, этих заклинателей духов! Какие заклинания они используют?

Только после этого я позволил себе расслабиться. Ноги сразу задрожали, руки затряслись. Желудок трепыхнулся, подскочил к горлу, и меня вырвало горькой желчью.

Я опустил на траву рядом с дрожащим Айсаком и растерянно оглянулся.

– Мыш! Ты где? Я в порядке, не бойся!

Из-за сложенных в стороне сёдел выглянула озабоченная мордочка.

– Точно? Ты уверен, Немой? Знаешь, реальность не всегда такова, какой она кажется нам. Это же относится и к нашему психическому состоянию...

– Спасибо, Мыш! – перебил я философа. – Без тебя я бы пропал!

Мыш, наконец, выбрался из своей засады и подошёл ко мне.

Я подставил ему ладонь. Зверёк легко запрыгнул на неё.

– Спасибо, дружище! – повторил я.

А потом повернулся к Айсаку.

– Пожрать есть?

Глава 10: Степная река

Вид у Айсака был несчастный.

Я жадно жевал копчёное мясо и внимательно следил за ним.

Кстати, мясо этот гадёныш утащил из наших с Чупавом мешков. Охереть, ну конечно! Ведь доблестные хазары никогда не берут с собой припасы.

А на хера, если можно их просто списдить?!

За несколько суток пребывания в теле кота организм, похоже, сожрал все свои скудные накопления. Я ел так, словно целый год вообще не видел никакой еды. Где-то на окраине сознания мелькнула мысль, что неплохо бы перекинуться обратно в кота и поохотиться на местную степную живность.

Не, ну а что? Ящериц здесь полно. Сейчас они как раз лениво выползали из щелей, чтобы погреться на осеннем солнышке.

Да ну, на хрен, Немой! Ты только-только в себя пришёл. Побудь хоть немного вменяемым, пусть и голодным человеком.

Я силой заставил себя убрать остатки мяса в мешок. Кто его знает, сколько дней нам ещё придётся путешествовать по этим степям?

Тщательно облизал жирные пальцы и вдоволь напился воды из перетянутого тонкой верёвкой кожаного мешка. У воды был затхлый кисловатый привкус.

– Как вы это пьёте, бля?! – поморщился я. – Неужели нельзя было набрать на стоянке свежей воды?

Айсак виновато опустил голову.

Я вздохнул и огляделся.

Вокруг, куда ни глянь, расстилалась голая, чуть всхолмленная степь. Жёлто-зелёная, заросшая побитой дождями высокой травой. Ни деревца, ни кустика.

В низком хмуром небе медленно кружили какие-то огромные птицы, похожие на орлов. Похоже, они высматривали, чего бы пожрать. А чем ещё заниматься на такой верхотуре?

– Видишь? – я показал Айсаку на птиц. – Я спокойно могу оставить вас этим красавцам на растерзание. А сам заберу лошадей и отправлюсь домой. Даже убивать вас не придётся – эти птички вполне справятся сами.

Шаманёнок тоскливо втянул голову в узкие плечи.

Мне было охереть, как жалко его. Но ни хера не поделаешь! Я не мог развязать Айсака, не убедившись, что он не выкинет очередное коленце.

Я прикинул так и этак. И решил поговорить с пацаном, как со взрослым.

– Я тебя понимаю, Айсак, – задумчиво сказал я. – Ты пошёл на войну. Попал в плен к врагам. То есть, к нам. И повёл себя, как настоящий разведчик. Втёрся в доверие, перехитрил. Молодец!

Айсак удивлённо посмотрел на меня.

Я улыбнулся ему и постарался говорить доверительно, словно советовался.

– Но и ты меня пойми. Я не могу тащить с собой двух врагов. Следить за вами, кормить, охранять. И отпустить вас я тоже не могу. Вы же не отстанете, правда?

По глазам Айсака я видел, что он с радостью отстал бы от меня. Но Барджиль хрен даст ему это сделать.

– Есть вариант прикончить Барджиля, а тебя отпустить, – продолжал рассуждать я. – И куда ты пойдёшь? К отцу? Сам говорил, что он тебя казнит. А кстати – куда вы собирались меня отвезти?

– К хану, – еле слышно ответил Айсак. – За пленного князя он дал бы нам хорошую награду.

– Хитрецы, бя! И сколько ещё добираться до этого вашего хана?

– Два дня.

– Хм.

Так-то я всё равно собирался к хазарам. И если уж судьба заставила проделать часть пути – какого хера поворачивать обратно?

– Дорогу знаешь?

– Конечно, – с надеждой кивнул Айсак.

Я ещё немного подумал.

– Предлагаю сделать так. Ты сейчас принесёшь мне страшную и священную клятву верности. Есть у вас такая?

– Есть.

Айсак даже дышать перестал.

– Ну, вот. А потом мы поедem прямо к хану. Я скажу ему, что князь Всеволод был очень впечатлён вашими подвигами. И хочет договориться о почётном мире и союзе. А ты будешь хазарским послом. Такой вариант тебя устраивает?

Айсак молчал, опустив голову.

Я терпеливо ждал.

Наконец, он поднял глаза и заговорил:

– Прости, Немой!

– За что? – уточнил я.

– За то, что я помог Барджилю поймать тебя. Бубном я подавал ему сигналы. Сообщал, куда мы собираемcя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.